

Наталья Павлицева

Екатерина
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ
ИМПЕРАТРИЦЫ

Великая

Наталья Павлищева

**Екатерина Великая. Первая
любовь Императрицы**

«Яуза»

2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Павлищева Н. П.

Екатерина Великая. Первая любовь Императрицы /
Н. П. Павлищева — «Яуза», 2014

ISBN 978-5-6040908-9-3

«Я забыл, что есть Сибирь», – записал в дневнике Станислав Понятовский после первой ночи с Екатериной, которая тогда еще не избавилась от ничтожного супруга. Этот бурный роман мог стать для нее самоубийством – но в отличие от своего фаворита Екатерина не боялась ни Сибири, ни мужа, ни черта, умела любить безоглядно, с риском для жизни, и готова была потерять от любви голову даже в буквальном смысле слова. О времена, о нравы! Великая княгиня бежит на свидания к любовнику, переодевшись в мужское платье; наследник престола во всеуслышанье заявляет о неверности супруги, но ее фаворит оказывается не в Сибири, а на польском троне. А сама «изменщица» свергает мужа и примеряет корону Российской империи!

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-6040908-9-3

© Павлищева Н. П., 2014
© Яуза, 2014

Содержание

Встреча через много лет...	6
Фрикен	7
Веселая императрица Елизавета	18
Карл-Петер-Ульрих, или Петр Федорович	25
В Россию...	31
Хочу быть русской	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наталья Павлищева Екатерина Великая. Первая любовь Императрицы

© Павлищева Н. П., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Встреча через много лет...

Король Польши Станислав Август Понятовский волновался, как никогда в жизни.

Он ехал в Канев на встречу с российской императрицей Екатериной II Алексеевной. Казалось бы, что волноваться? Екатерина Алексеевна умна, доброжелательна, весьма приятна в общении... Конечно, король мог переживать из-за явно готовившегося раздела своей страны, эта угроза стала уже слишком явственной.

Но волновался Станислав Август не из-за того, вернее, в основном не из-за того. Те, кто знал историю молодости короля, прекрасно понимали, в чем дело.

Станислав Август Понятовский ехал на встречу со своей первой и, пожалуй, единственной любовью, с которой не виделся более тридцати лет. Нет, после молодой великой княгини Екатерины Алексеевны у Понятовского были женщины, но в душе он остался верен той самой Кате, на свидание с которой бегал и ездил за тридевять земель с риском для жизни.

– Я забыл, что существует Сибирь... – сказал влюбленный Станислав, увидев великую княгиню впервые.

Это в России XVIII века, когда повсюду звучал девиз «Слово и дело», мог сказать только потерявший голову человек. Понятовский был именно таким, он влюбился без памяти. Екатерина Алексеевна отвечала тем же... Их свидания бывали отчаянно рискованны, чаще за гранью риска, но любовь придавала смелости, заставляла совершать безумства...

Прошли годы, великая княгиня стала не просто императрицей, она стала единовластной правительницей огромной страны и его сделала королем Польши. Станислав просил:

– Не делайте меня королем, лучше призовите к себе. Мне много дороже видеть вашу голову на подушке рядом со своей.

И не было в этих словах лукавства, ведь быть призванным к императрице России значило стать в крайнем случае ее могущественным фаворитом. Нет, Понятовскому и впрямь была нужна сама Екатерина. Много лет нужна, даже теперь...

Он стал куда худшим королем, чем она императрицей, но сейчас не король Польши Станислав Август Понятовский мчался к государыне России Екатерине II Алексеевне – до сих пор влюбленный Стась летел на крыльях любви к своей Кате, впервые за столько лет позволившей с ней встретиться. Как много ему нужно рассказать, как много им вспомнить...

Фрикен

Дверь спальни тихонечко приоткрылась... Из нее показался носик принцессы, заблестели глазки... Убедившись, что мадемуазель Кардель уже ушла по своим «надобностям», София-Фредерика, которую в семье звали просто Фрикен или даже Фике, выскользнула наружу и понеслась вверх, а потом вниз по лестнице, стараясь не шуметь. Это была занятная игра, в которую резвая девочка играла уже не первый день. Ей катастрофически не хватало просто прогулок размеренным шагом рядом со сдержанной гувернанткой по саду; как любому физически развитому ребенку, девочке хотелось попрыгать и побегать. У Фике прекрасная гувернантка Бабетта Кардель, душевная, приохотившая малышку к чтению, но принцессе так не доставало живого детского общества!

Фике быстро-быстро перебирала ножками по ступенькам дворцовой лестницы, она должна успеть пробежать все пролеты вверх, а затем вниз, вернуться в спальню и перевести дыхание, пока мадемуазель сходит в уборную... И вдруг... О, только не это! Прямо перед собой Фике увидела довольно занудную даму, любившую этикет и строго надзиравшую за его исполнением. Пришлось остановиться, присесть в реверансе, выждать ответный кивок и удаление дамы на приличное расстояние (иначе мать сегодня же узнает о неподобающем поведении дочери, и простыми пощечинами не отделаешься, может быть наказана и мадемуазель Кардель) и только потом броситься по ступенькам вверх опрометью, потому что время потеряно.

На сей раз гувернантка заметила сбившееся дыхание девочки, она внимательно пригляделась:

– Мадемуазель София, что это вы делали?

Глаза Бабетты Кардель смотрели строго. Фике поняла, что если она сейчас соврет, то потеряет доверие любимой воспитательницы. Пришлось признаться:

– Бегала...

– Что?!

– Мне очень захотелось побегать, мадемуазель, я бегала по ступенькам лестницы.

– Вас кто-нибудь видел?

– Мадам Юлия, но она ничего не поняла. Я сделала вид, что догоняю вас.

Фике редко признавалась в своих шалостях, чаще ей удавалось все скрыть, потому что от матери могли последовать такие тумачи, что в следующий раз подумаешь, делать ли признания. Но лгать дорогой Бабетт девочка не могла, понимая, что если обидится эта женщина, то можно остаться совсем одинокой.

– И часто вы вот так... бегаєте?

Фике опустила голову:

– Да.

– Зачем?!

– Мне хочется порезвиться.

Мадемуазель Кардель чуть задумалась, потом вздохнула:

– Мы станем ходить с вами на прогулки подальше, будете скакать там.

Девочка бросилась гувернантке на шею. В этом мире существовал один-единственный человек, который относился к ней с пониманием и не ругал за живость.

– А мы будем сегодня читать? Я больше не сделала ничего дурного и не буду бегать без вашего позволения, мадемуазель!

У Бабетты Кардель был иной, чем у матери маленькой принцессы, способ воздействия на девочку, весьма странный для остальных, но дававший удивительные результаты: в наказание за провинности она лишала ребенка возможности читать вместе с собой!

Мать маленькой Фике, принцесса Иоганна-Елизавета Голштинг-Готторпская, дома, в тихом провинциальном Цербсте, бывала крайне редко. Так же как и в Штеттине, где проходил службу ее супруг. Что там делать? Рядом со спокойным, вечно занятым мужем любившей светские удовольствия и веселье красавице было неимоверно скучно. Христиан-Август Ангальт-Цербстский, напротив, предпочитал размеренность и уединение и не мешал разъездам своей супруги со старшей дочерью Софией-Доротеей, попросту Фрикен.

Фике большую часть года проводила вне дома, гостя с матерью у родственников.

Софии действительно повезло с гувернанткой: мадемуазель Кардель отличалась душевностью, страстно любила книги (конечно, французскую литературу) и не пренебрегала людьми, бывшими ниже ее по статусу. Это научило маленькую Фике многому, ей позволялось (особенно когда матери не было в Штеттине) играть в городском саду с детьми горожан. Но довольно скоро принцесса Иоганна стала брать дочь в длительные поездки, и игры прекратились сами собой. Теперь София-Фредерика должна постоянно быть при матери, чтобы как можно больше имеющих власть и средства знали, что у правителя Цербста есть дочь, которую можно будет сосватать.

Для этого принцессе Фике надлежало соответствовать определенным требованиям, выдвигаемым строгой, как казалось Иоганне-Елизавете, матерью. На деле же мать была не столько строгой, сколько просто придирчивой, не столько взыскательной, сколько самодурствующей.

– Фрикен, ты несносна! Упряма как ослица!

Девочка пыталась добиться ответа на вопрос, в чем именно она не права. Но получала... пощечины и визг:

– Это не твое дело! Марианна будет королевой, невзирая на все глупости, которые твердит монах! А ты не будешь никем!

Обидно, очень обидно... Фрикен подружилась с Марианной Брауншвейгской, но мать эту дружбу умудрилась разрушить. Иоганна-Елизавета так расхваливала перед дочерью ее подругу, пророча Марианне блестящее замужество, что Фике не выдержала и возразила, чего делать категорически не рекомендовалось:

– Но монах из дома Менгден, который пророчествует о будущем по чертам лица, сказал, что не видит над головой Марианны ни одной короны...

Получила пощечину и все же добавила:

– А над моей целых три! Он так сказал.

Ответная истерика принцессы Иоганны перешла разумные пределы, и та с визгом отхлестала дочь по щекам.

Этот случай еще сыграет свою роль, но позже Фике удастся побороть даже мать.

Мадемуазель Кардель успокаивала свою подопечную:

– Стоило ли возражать? Лучше бы промолчали...

И снова хороший урок – если нет смысла бунтовать, лучше промолчи. Фике усвоила, позже пригодилось.

Она даже сама не понимала, что с самых ранних лет живет желанием доказать матери, что та зря не любила дочь, что на нее стоило обратить внимание. Девочка просто жаждала понимания, одобрения, восхищения своими успехами, ревновала мать к другим детям, даже чужим, завидовала им. Но ревность и зависть не превратили девочку в замкнутое озлобленное существо, возможно, помогли умная забота и душевность мадемуазель Кардель. Эту женщину следовало бы благодарить за основы характера маленькой Фике, потом ставшие стержнем, на котором сама Фике выкристаллизовала свою личность блестящей, одной из самых успешных и разумных правительниц – Екатерины Великой.

А тогда мать только и знала, что унижала дочь, даже там, где этого делать было просто нельзя. Девочке постоянно твердилось, что она дурнушка, что понравиться людям ей будет невероятно трудно, что она ничтожество по сравнению со своей замечательной матерью.

Иоганна-Елизавета так вовсе не думала, ей просто казалось, что, услышав о недостатках, девочка постарается их исправить и станет много лучше, чем она есть. Это вообще было время, когда в семьях к детям относились как к взрослым, но не уважая их личность, а принижая. Мальчики и девочки с ранних лет должны были во всем подражать родителям и воспитателям, не имея права ни на детские игры, ни на какие-то послабления. Маленькая принцесса обязана вести себя, как взрослая девушка, непозволительно не только шалить, но думать о разных глупостях. А если поступать «по-взрослому» не хотелось или не получалось, следовало наказание.

Применительно к Фрикен это были пощечины, но не потому, что мать не могла поколотить ее крепче (и такое бывало), просто у девочки хватало ума избежать наказания, стараясь не давать повода для такового. Этот детский опыт позже очень пригодился ей, когда больше десяти лет приходилось терпеть часто незаслуженные обиды и унижения, жить не просто под строгим надзором, а фактически под арестом, когда только выработанная в детстве привычка подчиняться, не подчиняясь, во всем соглашаться, не унижаясь, терпеть, не обозлясь, помогла вынести все, не став ни злокой, ни истеричкой, ни забытым существом. Она сумела выстоять рядом с матерью, сумеет и позже, рядом с мужем и свекровью. Хорошая школа Цербста помогла Фрикен стать Екатериной Великой, но как же девочке тогда хотелось, чтобы ее не учили вот так – несправедливо и жестоко!

Нет, мать вовсе не занималась ковкой характера дочери, она просто жила, как жила, заботясь прежде всего о себе, о своих светских успехах, о своем благополучии. А дочь... она просто была рядом и попадала под руку со своим несносным характером, вечными противоречиями и неумением соответствовать материнским запросам. Ну как тут было не пустить в ход руки? В ответ на очередное несоответствие Фрикен получала порцию пощечин...

В семье часто шли разговоры о будущем детей, и не только своих собственных. Иоганна-Елизавета считала себя обойденной судьбой, ведь ее родственники были столь успешны, а она вынуждена прозябать в маленьком захолустном Штеттине! И все потому, что муж слишком ленив и тяжеловесен, чтобы подсуетиться и получить-таки должность при дворе. Сама принцесса считала себя достойной куда лучшей участи, чем замужество за Христианом-Августом, ведь она была столь утонченна, столь умна, столь умела в светских интригах! И все эти достоинства пропадали втуне из-за простого упрямства медлительного супруга! Ну и что, что он отменный служака, добросовестен и хорош на своем месте, его место, может, и в Цербсте или Штеттине, а вот ее – при дворе!

Ее братьям везло куда больше... А некоторым родственникам, того отнюдь не заслуживавшим, так и вовсе...

Одним из таких был двоюродный племянник Карл-Петер-Ульрих.

Иоганна-Елизавета возвращалась с дочерью из Гамбурга, где гостила, в Штеттин, но ее передвижения отнюдь не были логичными, а потому карета двигалась на северо-восток в сторону Любека. У принцессы Цербстской везде находились родственники, которых нужно было навестить, а любое пребывание затягивалось минимум на месяц. На сей раз ей оказалось непременно нужно посетить брата – Адольфа-Фредерика, принца-епископа Любекского, и они ехали в Эйтин подле Любека.

Нет, Иоганна-Елизавета вовсе не пылала столь сильными родственными чувствами к брату, но отправилась вместе со своей матерью Альбертиной-Фредерикой, другим братом Фридрихом-Августом и сестрой Анной, чтобы познакомиться с воспитанником епископа Любекского Петером-Ульрихом. Разве такое семейное мероприятие могло пройти без участия вез-

десушей Иоганны-Елизаветы? Конечно, вместе с ней ехала и дочь, ровесница этого самого воспитанника.

Уж мнением дочери мать не интересовалась вовсе, но и Фрикен давно привыкла к кочевой жизни, не ведая, где и когда окажется снова. Она спокойно принимала любые дорожные невзгоды и неудобства, легко осваивалась на новом месте, заводила новые знакомства... Девочке было интересно посмотреть на жизнь родственников и вообще других людей. Мало того, сама не осознавая, она начинала критически смотреть на мать. Иоганна-Елизавета везде старалась выглядеть куда значительней, чем была на самом деле, держать себя так, словно она что-то значит и ее крохотное княжество Цербстское чего-то стоит. Иоганна знала все сплетни двора, чувствовала себя как рыба в воде в любой гостиной, во все вмешивалась...

Но острый детский взгляд, еще не до конца понимая происходящее, невольно подмечал, что Цербст куда захолустней любого другого посещаемого ими города, что двор Иоганны и вовсе ничтожен, что саму мать нередко воспринимают именно как представительницу захолустного обедневшего Цербста, а не как знатную даму. Такой прием не мешал матери считать себя особой значимой и рассуждать обо всем так, словно от нее что-то зависело в этой жизни где-то, кроме собственной семьи.

Сейчас она со знанием дела рассуждала, что некоторым совершенно непригодным для того людям категорически везет.

– У Адольфа ныне воспитанник – сын покойного Карла Голштинского...

– Это который рожден русской? Дочь императора России?

Иоганна не любила, когда ее перебивали, а потому зыркнула на задавшую вопрос родственницу Амалию так, словно та перебила ее тронную речь! Фрикен незаметно хихикнула: хорошо, что этот вопрос задала не она, иначе было бы на орехи.

Оглядев родственницу почти презрительно: что делать, если бедняга вовсе не обучена правилам приличного поведения, Иоганна-Елизавета продолжила:

– Да, он сын русской принцессы. Но не то главное. Этот мальчишка оказался единственным наследником мужского пола у двух тронов сразу.

– Как это? – снова встряла непонятливая родственница, но на сей раз ответом был уже не раздраженный взгляд светской львицы, а ее снисходительная усмешка. Конечно, не все же так хорошо разбираются в хитросплетениях династических отношений королевских семейств Европы, как она.

– Шведская королевская семья бездетна, им наследовать может только внучатый племянник, этот самый Карл-Петер-Ульрих, как сын Карла Голштинского. Но и русская императрица тоже бездетна и в том возрасте, что детей ждать не приходится. И у нее наследник только вот этот внучатый племянник. Вот и получилось, что мальчишка может выбирать между двумя коронами.

– И он выбирает? – ахнула теперь уже Фрикен.

Мать покосилась на нее, хмыкнула:

– Кто же его спрашивает?

Принцесса Иоганна-Елизавета принялась разглагольствовать о жизни шведского двора, сравнивая его с берлинским, что было странно, потому что в Швеции она никогда не бывала и все знала понаслышке. Но на сей раз в карете сидела куда менее сведущая родственница, с придыханием внимавшая разговорчивой даме, и дочь со своей гувернанткой, в чьем молчании Иоганна-Елизавета была абсолютно уверена.

Фрикен перестала слушать мать, сравнения шведского двора и берлинского ее интересовали мало, зато куда больше мальчик, которому могли достаться сразу две короны. Глядя в окно кареты, она размышляла, каким должен быть этот ребенок, в одиннадцать лет облеченный таким грузом будущей власти. Конечно, ему могло не достаться ни одной короны, монархи

не всегда последовательны в своих поступках, но думать о таком варианте не хотелось. Девятилетняя Фрикен видела принцев, но вот наследников императорской короны – пока ни разу.

Наверное, он умен и очень образован. Фрикен представила себе рослого, красивого (неприменно красивого, ведь он же будущий король или император!) молодого человека, высокого, уверенно распоряжающегося всеми вокруг, перед которым склоняют головы даже взрослые, умудренные опытом придворные. Ах, как заманчиво посмотреть на этого Карла-Петера-Ульриха! Когда-нибудь, вот так же как мать сейчас, она станет рассказывать детям о том, что в юности видела короля и даже разговаривала с ним. Конечно, он хорош, не имел права быть иным...

Дядюшка Адольф-Фредерик кивнул в сторону двери:

– А это Карл-Петер, сын покойного Карла Голштинского. Подойди, приветствуй наших гостей.

Фрикен повернулась несколько быстрее, чем следовало, мысленно отметив, что мать обязательно сделает за это выговор, но любопытство взяло верх. Повернулась и обомлела.

Никакого уверенного молодого красавца! Перед ней стоял щуплый невысокий мальчик, черты лица которого от напряженного ожидания чуть искажены, а светлые жидкие волосики и вовсе делали это лицо несчастным. Словно чтобы подчеркнуть щедушность ребенка, парадный мундир на него сшили чуть больше нужного размера, он просто терялся в объемах парадных нашивок, а блеск одеяния заслонил собой мальчика. Фрикен мгновенно забыла, что он императорский наследник, ей стало просто жалко Карла-Петера.

Позади мальчика стоял его наставник – рослый, крепкий Брюммер. Такое соседство лишь подчеркивало щедушность ребенка и его беззащитность.

После натянутого приветствия взрослые занялись своими разговорами, а дети все еще стояли напротив друг дружки под пристальным взглядом мадемуазель Кардель.

Фрикен, как благовоспитанная девочка, чуть присела, а потом протянула руку мальчику:

– Меня зовут София-Фредерика, но дома меня называют Фрикен или просто Фике.

Мальчик чуть неуклюже пожал ее руку (не целовать же!):

– Я Карл-Петер...

Они смотрели так, словно чувствовали, что им когда-то придется сыграть решающую роль в судьбе друг друга. Наконец мальчик тоже вспомнил, что должен быть воспитанным, и на правах вежливого хозяина поинтересовался:

– Ты любишь маршировать?

– Я? Нет, я люблю читать...

На миг взор мальчика погас, но тут же загорелся надеждой снова:

– Про знаменитые битвы?!

Фрикен тоже девочка воспитанная: сделав неопределенный жест, в равной степени могущий означать и да, и нет, она все же согласилась:

– Немного...

– У меня большая библиотека! Хочешь, покажу?

– Хочу.

Но посмотреть библиотеку не получилось, всех пригласили к столу.

Он любит читать книги о баталиях... Но это правильно, ведь будущий король в том числе и полководец. Наверное, мальчик хорошо держится в седле, каждый день ездит верхом... Нет, не слишком похоже, но это пока, потом он наверняка станет прекрасным наездником. Его учат премудростям будущего правления... учат повелевать людьми, истории, многим наукам, а не то что ее – только языкам и танцам. А еще почти ненавистному клавишину, невзирая на то что у Фрикен полное отсутствие слуха.

Как же София завидовала этому щуплому мальчику! Завидовала потому, что он мальчик, а не девочка, тому, что может стать правителем, ездить верхом, заниматься серьезными делами, что на него смотрят как на взрослого...

Знать бы ей, как сам Карл-Петер хотел избежать такой участи! Ему вовсе не нужны короны – ни две, ни даже одна. А уж тем более в далекой чужой России, хотя он и рожден русской царевной Анной Петровной, дочерью Петра I. Как хотелось этому мальчику, чтобы его оставили в покое, позволили играть со сверстниками не будущему королю, а просто ребенку, играть с его любимыми куклами-солдатиками! Как был бы счастлив каждый из них, поменявшись ролями, но Карл-Петер остался наследником двух престолов, а София-Фредерика – дочерью скромного правителя Цербста Христиана-Августа и его беспокойной супруги Иоганны-Елизаветы.

Детский перегляд заметила только мать Фрикен принцесса Иоганна, но не придала этому никакого значения. Правда, девочка смотрела недолго, потому что за столом Петер принялся пить едва ли не наравне со взрослыми, это выглядело не слишком приятно, ребенок опьянел, и его увели.

Наставник Брюммер ворчал, что мальчишка совершенно неуправляем, нерадив и непроходимо глуп.

– До сих пор играет в куклы!

– Как в куклы?

Кажется, София-Фредерика прошептала это тихо, но Брюммер услышал:

– Играет с солдатиками! Сказывается дурная русская кровь, его невозможно перевоспитать, не помогает даже долгое стояние на горохе на коленях.

Дамы ахнули, но Брюммер со знанием дела сообщил, что именно так и только так, а еще розгами, воспитывают детей в России.

Фрикен вспомнила пощечины, получаемые от матери, и решила, что они лучше, чем распухшие от гороха колени. А еще решила, что Карл-Петер просто глуп: неужели нельзя вести себя так, чтобы тебя не ставили на горох? У него столько возможностей, а он играет в куклы! Впервые за все время девочка была согласна со своей матерью, твердившей, что судьба распределяет блага не всегда справедливо. За что этому щуплому, хилому и глупому – в этом Фрикен теперь была уверена – две короны, если он и для одной не годен?

Семейство посочувствовало наставнику мальчика Адольфу-Фредерику и воспитателю Брюммеру и разъехалось. Немного погодя знакомство с мальчиком, игравшим в куклы, забылось, отвлекли другие знакомства, принцесса Иоганна-Елизавета по-прежнему разъезжала то в Брауншвейг, где часто устраивались замечательные охоты, то в Берлин ко двору, то в Гамбург... И всюду блеск двора, которого не было в Штеттине, всюду мать делала вид, что она чего-то стоит, но это не всегда получалось...

– О... Август, вы только посмотрите, какие новости сообщают из России!

– Что такое? – Спокойный Христиан-Август поднял глаза на супругу, оторвавшись от созерцания огня в камине.

– Из Берлина пишут, что в России переворот!

– Там же совсем недавно сменилась власть? Снова переворот?

Иоганна махнула рукой, этого увальня ничем не пробьешь! Ах, как жаль, что она не в Берлине, там сразу все бы обсудила.

– Мне нужно ехать ко двору!

– Вам-то зачем? Наводить в России порядок?

– Вы глупы, вы непроходимо глупы! К власти пришла Елизавет, дочь Петра.

– Ну и что?

– А то, что моя родственница и бывшая невеста моего брата теперь императрица огромной России.

– Какая она вам родственница?

Несколько мгновений Иоганна смотрела на мужа так, словно тот сморозил величайшую глупость на свете, но тут же опомнилась и блеснула своими родственными связями:

– Вы забыли, что мой двоюродный брат Карл-Фридрих был женат на русской принцессе Анне Петровне, сестре нынешней императрицы? А сама императрица была помолвлена с моим братом Карлом. Жаль, что он умер прямо перед свадьбой. О, эта оспа, сколько бед она принесла людям!

Владетельный герцог Цербста Христиан-Август прекрасно понимал, что судьба человечества очень мало заботит его супругу, скорее она переживает только из-за несостоявшегося брака своего брата.

– Но теперь все изменится!

– Каким образом?

Вот вечно он умудряется подрезать крылья ее мечте! Иоганна не знала, каким образом изменится ее жизнь (остальные принцессу интересовали куда меньше), но чувствовала, что перемены будут. Она, словно полковая лошадь, вострила уши и подбиралась при звуке трубы...

Иоганна оказалась права, приход к власти в далекой России Елизаветы Петровны изменил их жизнь, но вовсе не потому, что этого желала сама принцесса, а потому, что у нее была дочь София-Фредерика, попросту Фрикен, а то и вовсе Фике. Но уж о ней-то мать не думала совсем.

Зато вспомнила, что после смерти отца маленького Карла-Петера Готторпского у брата Адольфа хватило сообразительности отправить в Россию портрет Карла-Петера, конечно, изрядно приукрашенный, но это неважно. Тогдашняя императрица Анна Иоанновна о двоюродном племяннике – внуке императора Петра I – и слышать не хотела, а вот его родная тетка, нынешняя императрица Елизавета Петровна, обрадовалась и приняла портрет хорошо. Правильно, правители, даже далекие, должны помнить своих родственников! Брат Август, возивший портрет, рассказывал, что русский двор, как и вся Россия, невероятно богат, хотя и весьма странен. Почему бы не поделиться хоть малой толикой этого богатства с родственниками? Вопрос, почему императрица Елизавета должна делиться своими богатствами с сестрой несостоявшегося супруга, Иоганне не приходил в голову.

Принцесса не могла найти себе места, словно приход к власти Елизаветы Петровны – ее личная заслуга. Она не рассказала, что немедленно написала в Петербург письмо с самыми лучшими пожеланиями долгих лет жизни и правления новой императрице. Удивительно, но из Петербурга пришел ответ! О, как носилась с этим ответом Иоганна... Ее не просто благодарили за поздравления, ее просили! Императрица просила принцессу Цербстскую прислать портрет своей сестры Анны, когда-то подаренный жениху – брату самой Иоганны, мол, у Елизаветы Петровны, как на грех, портрета любимой покойной сестры нет.

Иоганна-Елизавета смотрела на остальных родственников свысока, никто из них не догадался начать переписку с российской императрицей, никто не оказался столь прозорлив. Портрет, конечно, находился не у нее, а у ее матери, но был спешно отослан снова с наилучшими пожеланиями и всяческими заверениями, что будь брат жив... что он наверняка с небес радуется успеху своей несостоявшейся супруги...

Елизавета Петровна действительно любила своего так внезапно умершего незадолго до свадьбы жениха – брата принцессы Иоганны, а потому снова ответила. Когда нарочный курьер доставил этот царский привет, даже Иоганна-Елизавета на некоторое время потеряла способность хвалиться своими успехами, то есть дар речи. Присланный взамен портрет императрицы был вставлен в рамку из бриллиантов общей стоимостью не менее двадцати тысяч талеров.

И супругу любезной принцессы тоже достался подарок – прусский император Фридрих правильно понял намек российской императрицы и произвел своего верного Христиана-Августа в фельдмаршалы! Семья немедленно собралась в Берлин. О... это был поистине золотой дождь, и принцесса Иоганна по праву гордилась тем, что сумела его вызвать. Она не подозревала, что это только начало.

Фрикен с интересом прислушивалась к новостям, хотя они ее никак не касались. Новая российская императрица объявила своим наследником своего племянника Петера-Ульриха, того самого мальчика из Эйтина, который любил играть в куклы. Ну уж теперь-то он, конечно, этого не делает и вообще забросит все глупости, не станет ни пить, ни увлекаться играми, теперь он наследник, а значит, должен все силы положить на учебу – решила для себя Фрикен. Только как можно жить в Эйтине, будучи наследником короны в России?

Девочка оказалась права: невозможно, Карла-Петера-Ульриха забрали в Петербург.

Но и это было не все! Российская императрица умела быть щедрой, особенно если это ей ничего не стоило. Наставник Карла-Петера епископ Любекский Адольф-Фредерик вместо своего отбывшего в Россию подопечного назван наследником шведской короны! И в этом Иоганна справедливо усматривала свою заслугу. Родственница на престоле, брат – наследник шведской короны... К сожалению, она сама все равно супруга скромного Христиана-Августа, пусть и фельдмаршала.

У Иоганны-Елизаветы голова шла кругом, однако она не подозревала, что главный выигрыш в лотерею судьбы впереди и связан с дочерью, о которой, как и о муже, она почти забыла.

В их берлинском доме гость – молодой красивый камер-юнкер русского двора Яков Сиверс. Вообще-то он привез императору Фридриху II жалованную императрицей Елизаветой Петровной Андреевскую ленту, но заглянул и к ее родственнице Иоганне-Елизавете. Визит был неофициальный, утренний, но как раз это и понравилось Иоганне, потому что означало, что теперь она с российской императрицей почти на короткой ноге.

Гостя принялись потчевать утренним кофе и развлекать светской беседой. Он высказал все благодарности, в том числе и по поводу присмотра за наследником престола, не осуждая ненадлежащее его выполнение, а потом вдруг попросил возможность познакомиться с Софией-Фредерикой. У матери сладко зашло сердце. Она прекрасно помнила, что Петер-Ульрих не женат и вполне годится Фрикен в мужья. Нет, это было уж слишком сказочно! Но русский камер-юнкер сидел в кресле напротив и исчезать, как мираж, не собирался.

Но Фрикен не причесана! Сиверс улыбнулся:

– Тем лучше, я увижу настоящий цвет ее волос и их наличие...

Это был уже не просто намек.

Иоганна едва сдержалась, чтобы не броситься за дочерью самой, отправила слугу с жестким приказом немедленно явиться в таком виде, в каком ее застанут.

Вид оказался очаровательным. Когда в гостиную шагнула принцесса с торчащими во все стороны начесанными волосами (уложить их не успели, только немилосердно взбили), Сиверс не смог удержаться от смеха:

– Вы очаровательны...

Иоганна от досады кусала губы, но что теперь поделаешь.

– Я хотел бы увезти с собой портрет этого ангела. Только, конечно, причесанного...

– О да!

В тот же день бедная Фрикен провела в неподвижности четыре часа, пока художник Пейн набрасывал на холсте ее силуэт, а потом и рисовал сам портрет. Художник вовсе не требовал таких жертв, ему достаточно позировать по два часа, мастер отличался прекрасной памятью, к тому же написать платье и все остальное можно бы и со служанки, но Иоганна-Елизавета

категорически потребовала не делать никаких замен, а дочь заставила сидеть смирно с легкой улыбкой на устах.

Не меньше Фрикен мучился и Пейн, потому что каждый штрих, каждый мазок комментировался, пока мастеру не надоело. Он вдруг протянул заказчице свои инструменты:

– Возьмите, мадам.

– Что?

– Возьмите мои кисти, вы прекрасно знаете, как нужно рисовать вашу дочь, сделайте это сами... У вас получится много лучше, а я не могу работать под диктовку.

У Иоганны хватило ума отступить, она дала последние наставления и удалилась, заверив, что больше вмешиваться не станет.

– Расслабьтесь, дитя мое, и посидите просто в кресле. Если вы что-нибудь расскажете о себе, я нарисую вас куда лучше.

Фрикен улыбнулась: этот Пейн вовсе не такой зануда.

– К чему вашей матери такой портрет и почему вы должны выглядеть на нем взрослой и серьезной?

– Его попросили для российской императрицы.

– Прекрасно. У императрицы есть неженатый сын?

– Нет, племянник. Он наследник короны.

– Замечательно. Теперь я знаю, что пишу портрет невесты. Сколько лет наследнику?

– Он на два года старше меня.

Портрет действительно увезли в Петербург.

Этот неожиданный интерес к своей особе со стороны императрицы поставил Фрикен в новое положение, наступил миг, когда она посмотрела на мать почти как на равную.

Вот уж чего никак не ожидала Иоганна-Елизавета! Даже возможность стать тещей наследника престола не могла примирить ее с тем, что дочь будет выше по статусу. Она привыкла быть всегда и везде первой, а тут вдруг все будет сосредоточено на ее дочери? К тому же Иоганна вдруг осознала, что стареет! Нет, она по-прежнему хороша, молода, вызывала восхищение, но признавать, что уже пришло время дочери, оказалось просто невыносимо. Отступать на второй план Иоганна не могла и не собиралась.

А дочерью интересовались. В Гамбург, где довольно часто бывала у бабушки Фрикен, приехал из Петербурга барон Корф, женатый на двоюродной сестре императрицы Елизаветы Петровны. И Корф тоже попросил портрет принцессы и сделал ей массу комплиментов.

Но взрослеющая девушка, которой уже исполнилось четырнадцать, вызвала интерес еще и у младшего брата Иоганны-Елизаветы Георга-Людвига Гольштейн-Готторпского. Петербург далеко, а молодой красивый дядя Георг рядом. К тому же Фрикен уже почувствовала свою растущую силу и почти упивалась ею. Мать столько лет внушала ей, что она дурнушка, что некрасива, не умеет носить одежду, двигаться, вести остроумную беседу, что ей никогда не составить прекрасную партию... Другая бы замкнулась, но у Фрикен материнская критика вызывала желание доказать, что Иоганна-Августа не права. Красавицей юная девушка себя вовсе не считала, но она уже научилась нравиться людям своим приятным обхождением, и беседу поддерживать умела, и слушала собеседника так, что с очаровательницей не хотелось расставаться. Это было личной заслугой Фрикен, которой она очень гордилась.

Дядя Георг попал под обаяние племянницы, как попадали все, она не стремилась очаровать его специально, просто мягко и приветливо беседовала, была вежлива, занята, весела... Но ему-то хотелось уже не только бесед, Георг разглядел стройную фигуру племянницы, ее удивительные глаза, которые вдруг из карих становились просто синими, ее красивые руки... И вот сорван первый поцелуй...

Куда смотрела строгая мать?! Девушке выпала возможность стать невестой наследника престола, в будущем надеть на голову корону богатейшей страны Европы, а мать откровенно

попустительствовала ее роману с молодым дядей! Удивительно, но Иоганна-Елизавета вовсе не препятствовала этой страсти младшего брата. Только чудом до знаменательного первого января 1744 года роман не зашел дальше пары поцелуев. Иоганна-Елизавета ревновала дочь к успеху и проявленному к ней интересу.

Торжественное богослужение в цербстской дворцовой часовне по случаю Нового года подходило к концу. Христиан-Август был доволен, его семья свято чтит религиозные традиции и соблюдала все требования. Он оглядел детей, их в часовне трое – София-Фредерика, Фридрих-Август и Шарлотта. Елизавета-Ульрика еще слишком мала, ей всего год, а старший из сыновей, Вильгельм, что родился через полтора года после Фрикен, умер...

После службы предстоял праздничный обед. Он действительно был праздничным, но перебило этот обед важное сообщение.

– Ваша светлость, курьер из Берлина... Вам письмо.

Слуга обратился не к хозяину, а к Иоганне-Елизавете. Она оглядела мужа и старшую дочь с чувством превосходства.

– Принесите прямо сейчас.

В напряженном молчании все наблюдали, как Иоганна-Елизавета читала послание. Было видно, что в ней борются противоречивые чувства. Послание оказалось от обер-гофмейстера Петера-Ульриха, уже ставшего в Петербурге Петром Федоровичем, Брюммера. В нем оказались в том числе следующие строки:

«...По личному повелению Ее Императорского Величества я имею честь довести до вашего сведения, что императрица желает, чтобы ваша светлость в сопровождении вашей старшей дочери, не теряя времени, пожаловали в Россию, в тот город, где ныне пребывает царский двор. Ваша светлость слишком прозорливы, чтобы не понять истинного смысла того нетерпения, с которым Ее Императорское Величество желали бы видеть здесь вас и принцессу, дочь вашу, о которой молва рассказывает столько хорошего. Бывают случаи, когда глас народа воистину является гласом Божиим...»

Дабы ваша светлость могли подробно осведомиться о всех обстоятельствах, имеющих отношение к настоящему делу, я имею честь доложить, что король Прусский посвящен в тайну. Ваша светлость может, следовательно, смотря по собственному благоусмотрению, поговорить или не переговорить с ним на эту тему...»

Фрикен замерла, глядя широко раскрытыми глазами на мать. Ее практически сватают за наследника российского престола? Те портреты, что писали, понравились императрице и Петеру-Ульриху? Нет, как там его теперь зовут? Кажется, просто Петером.

Но мать швырнула письмо на стол:

– Как не вовремя!

– Что не вовремя?

Она оглянулась на дочь, словно удивляясь, как она вообще смеет подавать голос:

– Ехать в Россию зимой? Глупость!

И отец тоже вовсе не радовался такому известию. Фрикен изумленно переводила взгляд с одного родителя на другого. Они не желают видеть корону на голове своей дочери?! Но почему?! И тут ее прорвало, нет уж, единственного в жизни шанса выбраться из Цербста и скромного достатка она не упустит! Этот мальчик Карл-Петер станет императором, а она при нем императрицей? Конечно, даже если ей придется тянуть мать в Россию за руку.

– Если вам делают такие лестные предложения из России, полагаю, не стоит отказываться, потому что это было бы счастье для меня.

Голос тверд, он почти звенел металлом. Попробуйте возразить!

Родители изумленно уставились на свою всегда и со всем соглашавшуюся дочь. Вот тебе и Фрикен.

– Но как же бедный Георг, он что скажет?

Хотелось в ответ крикнуть: «Мама, при чем здесь Георг?! Мне предлагают императорскую корону!» Но Фрикенхватило ума скромно опустить глазки:

– Он может только желать мне счастья и благополучия.

И все-таки, наверное, не неожиданное «восстание» дочери убедило ее мать, а... письмо императора Фридриха Прусского. Он не только не был против такого брака, но и сделал вид, что сам его устроил. Это было неправдой: Софию-Фредерику император рекомендовал Елизавете Петровне в ряду других принцесс, но Иоганна-Елизавета знать об этом не должна.

Император приглашал принцессу с дочерью к себе для того, чтобы дать наставления по поводу поведения в Петербурге и поручить некое очень важное дело.

Император? Важное дело?! Конечно, они едут в Берлин!

В Цербсте засуетились, обновляя наряды, укладывая вещи, собираясь.

Но наряды обновлялись только у самой Иоганны-Елизаветы, удивительно, но матери в голову не пришло приодеть Фрикен, если уж везут ко двору. Глупости, пусть едет в чем есть! Иоганна и не подумала, что Софию-Фредерику придется вести во дворец. Для решения всех вопросов есть она сама, при чем здесь дочь?

Упоенной собственной значительностью Иоганне-Елизавете (с ней переписываются император и императрица!) было не до дочери, она знала только себя.

Веселая императрица Елизавета

– Miravilla! – Этот возглас немало повидавшего на своем веку самых разных красавиц испанского посланника Дюка де Лириа о младшей дочери царя Петра Алексеевича, Елизавете, могли бы поддержать многие.

Елизавета Петровна и впрямь была хороша собой! Рослая, стройная, с прекрасными темно-русыми волосами, большими глазами и великолепной белой кожей, она к тому же отличалась веселым нравом и живостью. Очаровательное создание!

Елизавета о престоле не мечтала, и до нее было кому править, ей достаточно перешедшей по наследству от матери Александровской слободы – имения весьма обширного, включавшего и села: Покровское, Перово, Измайлово... Петр Алексеевич отцовскую вотчину не любил, как не любил все московское вообще, а вот его дочери дедова слобода пришлась по душе. Как появилась там впервые, приехав просто посмотреть, так и привязалась сердцем.

Удивительно, но девушка, рожденная матерью-немкой и отцом, любившим все голландское и немецкое, обожала все русское – застолья, баню, охоту, гулянья... Нет, она с удовольствием танцевала и на балах, но, чувствуя при дворе для себя опасность, инстинктивно стремилась удалиться от него.

А опасность была, и немалая. Правящая императрица Анна Иоанновна хоть и приходилась Елизавете двоюродной сестрицей (она была дочерью старшего брата Петра I Ивана V Алексеевича), но по возрасту годилась ей в тетки и выглядела соответственно. К тому же Анна Иоанновна представляла старшую ветвь детей царя Алексея Михайловича, от царицы Марии Ильиничны Милославской, считавшую младшую, от Натальи Кирилловны Нарышкиной, едва ли не побочной и не имеющей прав на престол. А уж детей Петра Алексеевича от его немки Марты Скавронской, взятой пленницей в обозе и крещенной Екатериной, так и вовсе прибранными. Тем паче дети в том браке родились до венчания родителей, и Елизавета Петровна вообще-то была незаконнорожденной...

«Старшая» ветвь признала царствование Петра II Алексеевича – внука Петра Великого от его казненного им сына, Алексея Петровича, но признавать дочерей от немки низкого происхождения Екатерины – Анну и Елизавету – не желала, во всяком случае, в качестве наследников престола. Потому Анна Иоанновна сколько правила, столько мучилась вопросом: кому оставить российский престол? И ведь придумала!

Такого Европа еще не видывала. Императрица, не имевшая семьи, завещала престол будущему сыну своей племянницы, тоже Анны, который родится в ее будущем браке!

Старший брат Петра Великого Иоанн Алексеевич имел много детей, но не все они выжили, а из трех взрослых дочерей – Анны, Екатерины и Прасковьи – только у Екатерины с ее мужем Карлом-Леопольдом Мекленбургским была дочь. Вот будущему ребенку этой юной Екатерины-Христины и завещала Россию Анна Иоанновна. Для начала принцессу следовало выдать замуж, а потом ждать появления наследника. Не все шло гладко, но наследник родился...

Однако не только борьба между ветвями наследников мешала Анне Иоанновне чувствовать родственную приязнь к своей двоюродной сестрице. Скорее здесь большую роль сыграла красота Елизаветы. Ей и стараться не стоило, чтобы отвлечь внимание присутствующих на себя. Красивая, веселая, живая, она мгновенно становилась точкой притяжения всех взглядов, объектом всеобщего внимания. Вот уж этого Анне Иоанновне не нужно вовсе! Сказывалось нежелание стремительно стареющей некрасивой рябой женщины видеть рядом с собой молодую красивую соперницу. А уж понимание, что та может стать следующей императрицей и все будут с нетерпением ждать смерти правящей, делало отношение к двоюродной сестре совсем

напряженным. Анна Иоанновна пыталась придумать, за кого бы выдать замуж красавицу Елизавету... или отправить в монастырь.

Но и то и другое трудно. За что в монастырь? Грехи найдутся: вон милуется с бывшим певчим Алексеем Разумовским, поговаривают даже, что венчаны тайно, а это уж и вовсе проступок такой, за который можно карать.

Замуж выдать бы подальше, да только за кого? Сколько ни перебирала Анна Иоанновна заморских принцев – а к Елизавете сватались очень многие, даже персидский шах, – не могла найти такого, чтоб сей брак не опасен был для нее лично. Все казалось, что, обретя сильного мужа, Елизавета сможет заявить свои права на российский престол вопреки желанию императрицы. А ведь еще при жизни царя Петра Елизавета могла стать супругой французского короля Людовика XV. Случись такое, и судьба Франции могла бы сложиться иначе, а с ней и всей Европы...

Вот и маялась Анна Иоанновна, пытаюсь придумать, куда бы сплавить неугодную красавицу Елизавету...

Чувствуя, что чем дальше от двора, тем безопасней, Елизавета большую часть года проводила в своих московских владениях, особенно полюбив ту самую Александровскую слободу, что была печально известна во времена Ивана Грозного как его опричная вотчина. Но почти через две сотни лет уже ничто не напоминало страшных дней, Елизавета быстро превратила слободу в центр веселья, причем веселья в русских обычаях....

На горе напротив Рождественской церкви для нее построили новые палаты, деревянные с каменным низом, почистили большие пруды, отремонтировали липовую мыльню (баню), псарню, охотный двор, сокольню, хозяйственные дворы... И хотя сама слобода была не слишком красива – ряд низких изб, от времени, кажется, вросших в землю, стала оживать и она.

Особенно шумно бывало, когда царевна приезжала охотиться, тогда вся округа наполнялась множеством людей, шумом, разноголосицей, собачьим лаем, ведь Елизавета Петровна больше любила псовую охоту, предпочитая ее даже соколиной. Но и соколиная бывала на славу... Елизавете казалось, что ничего нет лучше раннего выезда на охоту, когда на заре слободу будили лай и тявканье чуживших скорую добычу борзых и гончих, которых псари едва удерживали на поводу. Когда все охотники, одетые в простую сермяжную одежду, с ружьями и рожками за плечами, собирались возле крыльца, выходила она сама. На Елизавете удивительно хорошо сидела мужская одежда, она об этом знала и не упускала случая принарядиться в полукафтаны, высокие сапожки и небольшую шапочку.

Ловкая, сильная, легко вскакивала в седло по-мужски, для горячения крови непременно поднимала коня на дыбы и мчалась вперед во главе охотничьей ватаги. Звонко били копыта лошадей в прихваченную первыми осенними заморозками землю. Конечно, с птицами выезжали более степенно, но и тут царевна норовила умчаться и в поле поджидала сокольничих. Те привозили своих соколов, ястребов, сибирских кречетов, гордясь друг перед дружкой и искоса поглядывая, чья птица лучше, чей клубочок нарядней. Клубуки на птичьих головках и впрямь были один другого краше – расшиты золотом, серебром, красным шелком. На шейках висели звонкие серебряные колокольчики...

Охотились азартно, часто по несколько дней не возвращаясь в слободу. Для этого отдельно ставились охотные дворцы – место пристанищ веселой компании, – и «ставки» для obsługi и животных.

С утра в седле, а вечером на пиру – так проводила время царевна. Елизавета очень любила вкусно покушать и знала в еде и питье толк. Вообще, она умела разнообразить веселье: летом хороводы с сельскими девушками, катание на лодке, неперенные качели, до которых была большая охотница. Часто по округе разносился звонкий смех царевны, взмывающей ввысь на качельной доске. Зимой бывали катальные снежные горы, а еще каток. Ее лекарь

Лесток оказался отменным катальщиком, обучил и Елизавету, и стоило замерзнуть пруду, как они принимались разъезжать по ледяной глади, взявшись за руки...

Любила мчаться на тройке со свистом и удалью... Любила посиделки со слобожанами. Они охотно приглашали царевну на свои праздники – свадьбы, крестины, именины. Елизавета не чуралась и отвечала тем же. Странно иностранцам смотреть на такое времяпровождение цесаревны, но кто смотрел? Лесток и сам с удовольствием участвовал в ее забавах, а остальными были русские, вернее, Елизавету окружали ее родственники по матери – Скавронские, Ефимовские, Гендриковы, которые, правда, русскими только считались, в них текла немецкая кровь.

Когда-то, разыскав старшего брата своей дорогой Кати, Карла Самуиловича Скавронского, Петр I не стал приближать ко двору ни его, ни еще одного брата, Федора, ни сестер Екатерины, видно, из опасений, что деревенские родственники жены могут основательно подпортить ее и без того не слишком чистую репутацию. Просто позаботился, чтобы деревенские родственнички ни в чем не нуждались, конечно, в пределах той самой деревни.

После смерти мужа Екатерина привезла многочисленную родню в Петербург, поселила за городом, дала графское достоинство и постаралась сочетать браком со знатными фамилиями. Родственников было много: у старшего брата, Карла Самуиловича, двое сыновей и три дочери, у сестры Христины четверо детей, у сестры Анны две дочери... Но во дворце в Царском Селе еще при матушке Екатерине I Алексеевне всем родным душам нашлось место. Орава вчерашних крестьян отмылась, переделалась, научилась есть вилок, приседать в реверансе и чувствовать себя богатыми помещиками. Сама Екатерина держалась от братьев, сестер и многочисленных племянников и племянниц подальше, но обеспечила их на всю жизнь, одарив за неприметность, нетребовательность и понимание своего места огромными владениями.

Особенно она постаралась для детей своего старшего брата Карла Самуиловича Скавронского. Два его сына получили прекрасное образование и служили при дворе, дочери выданы замуж: старшая за польского графа Сапегу, средняя за барона Корфа, а младшая – уже Елизаветой – за Воронцова.

Не забыты и дети сестер. Дочь Христины Гендриковой Марья вышла замуж за Чоглокова и долгие годы была правой рукой своей августейшей двоюродной сестрицы... Она сыграла заметную роль в судьбе Екатерины II.

Но это случилось позже, а тогда дети брата и сестер покойной императрицы Екатерины I под фамилиями Скавронских, Гендриковых и Ефимовских еще только осваивали сложную придворную науку и жались к своей родственнице. Елизавета не отталкивала их.

Категорически не желая передавать трон бездетной Елизавете, Анна Иоанновна стала привечать собственную племянницу Елизавету-Екатериину-Христину – дочь своей старшей сестры Екатерины Иоанновны. Очень неудачно выданная замуж за Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского, Екатерина Иоанновна через несколько лет замужества, чтобы не подвергаться нападкам и избиению со стороны мужа, была вынуждена бежать в Россию к матери – царице Прасковье Федоровне, вдове старшего брата Петра I Иоанна V. Екатерина Иоанновна жила с дочерью Елизаветой-Екатериной-Христиной у царицы Прасковьи, ни о чем не мечтая и ничего не ожидая от судьбы. Маленькая Елизавета-Екатерина-Христина воспитывалась хуже некуда, росла откровенной невеждой и неряхой, была девочкой весьма доброй и душевной, но нелюдимой, предпочитавшей уединение. В данном случае уединение было не созерцательным или ведущим к размышлениям, а совершенно пустым, ребенка ничему не научили.

От родителей взять просто нечего ни в развитии, ни в нравственности. Понятия нравственности тех времен вообще весьма условны... Карл-Леопольд был груб, жесток и изрядно блудлив. Первая супруга от него ушла, вторая – Екатерина Иоанновна – сначала отвечала мужу

взаимным наставлением рогов, а потом тоже сбежала. Но и в России вольную жизнь не прекратила.

Через год после их возвращения умерла старая царица Прасковья Федоровна, и Елизавета-Христина осталась только с матерью, жившей весьма свободно, а вернее, попросту блудлившей. Екатерина Иоанновна была безграмотна, не задумываясь говорила вслух все, что ни придет в голову, любила слушать непристойные, похабные песни и не любила мыться. Дом оказался вечно полон самого разного сброда, нищих, кликуш, грязи, вони и непристойностей.

Девочка, видевшая далеко не лучшее поведение своей матери, откровенно дичилась, предпочитая запоем читать. Читала Елизавета-Христина по-французски, хотя говорила на этом языке с трудом, и только пустые французские романы, дававшие очень мало пищи для ума. Мать об умственном развитии своей дочери не заботилась вовсе, зато воевала с ее застенчивостью и дикостью. Чтобы заставить принцессу появляться в обществе, приходилось даже применять силу. Остается только догадываться, что это была за сила и в каком обществе Елизавете-Христине так не хотелось появляться.

И вдруг такая перемена в судьбе!

Ей было тринадцать, когда о ней вспомнила тетка Анна Иоанновна, объявив наследником будущего сына царевны, еще даже не имевшей жениха. Придворным пришлось принести присягу будущему несуществующему младенцу. Невиданное дело, которое, однако, требовало решительных действий со стороны самой императрицы. Младенец от кого попало родиться не должен, но чтобы выдать замуж дичившуюся Елизавету-Екатерину-Христину, ее нужно для начала хоть чуть облагородить и крестить в православную веру, потому как против лютеранки восстал бы не один двор.

Крестили, принцесса получила новое имя – Анна – в честь крестной матери, которой стала сама императрица Анна Иоанновна, и отчество по второму имени отца – Леопольдовна. Почему Анне Иоанновне не понравилось первое имя – Карл, – оставалось только гадать. Вскоре после крещения дочери умерла ее мать Екатерина Иоанновна, но девочку это заботило мало. У нее была сердечная подруга Юлия Менгден, к которой принцесса привязалась не на шутку. Откровенно лесбийская связь сначала испугала императрицу Анну Иоанновну, но потом тетка махнула на племянницу рукой: лучше пусть спит со своей Юлией, чем с мужчиной, по крайней мере, не преподнесет сюрпризов в подоле.

К принцессе приставили воспитателей: французенку, генеральскую вдову Адеркас, и священника Прокоповича, которые должны были учить Анну Леопольдовну. Не удалось, привычка брала свое, да и свет-Юленька не собиралась выпускать из рук такую привязанность.

Нашелся и жених новокрещенной Анне, им стал Антон-Ульрих Брауншвейгский. Жениха привез в Россию Левенвольде, но совершенно не угодил ни императрице, ни самой невесте. Антон-Ульрих был невелик ростом, шупл, светловолос и неказист, да еще и заика. Ему не сказано ни «да», ни «нет», вопрос отложен до взросления невесты.

Все это проходило мимо Елизаветы, которая, увидев Антона-Ульриха впервые, искренне порадовалась, что этаким крупноголовый, длиннолицый изнеженный сморчок достался не ей. Сама невеста красотой тоже не блистала, Анна Леопольдовна была нехороша собой – длинноноса, длиннолица, впечатление портили также ее болезненная замкнутость и знаменитая неряшливость. Верчению перед зеркалами Анна Леопольдовна предпочитала не серьезные занятия, которые совсем не помешали бы будущей регентше наследника престола, и даже не чтение французских романов, а постельные объятия с подругой Юлией Менгден, без которой не мыслила ни дня ни ночи.

Анна не следила за модой, не рвалась в свет, откровенно дичась. Дичиться было чего, императрица Анна Иоанновна вернула двор из Москвы в Петербург, он стал довольно шумным и блестящим, но оставался полон приживалок, шутов, дураков, карл, всякого сброда, мало похожего на блестящую свиту европейских дворов. Хотя в шутах у Ее Величества часто

ходили люди весьма знатных фамилий: Салтыков, Голицын, Апраксин, Волконский... таков был каприз Анна Иоанновны. Оставив развитие страны на своих помощников, прежде всего на Бирона, она вела жизнь провинциальной помещицы, только с имперским размахом – закатывала бесконечные многолюдные пиры, охотилась, причем часто прямо из окон своего дворца, без конца слушала сказительниц, гадалок, а то и просто сплетниц...

Престол Анна Иоанновна получила в 37 лет, а до того жила в крайне стесненных условиях, выданная замуж своим дядей царем Петром за герцога Курляндии Фридриха-Вильгельма, который через месяц после свадьбы околдовал с перепоем. Император Петр своей волей оставил племянницу в Курляндии, не позволяя вернуться, следить за ней определил Петра Салтыкова, который стал утешителем бедной вдовы не только морально, но и физически. Однако денег дядюшка на содержание племянницы давал немного, всего 30 000. Видно, помня об этом, императрица теперь мстила его дочери Елизавете Петровне, выделив такое же содержание. Оно было, конечно, немалым, но уже недостаточным, время-то шло...

Сначала согласившись на все выдвинутые ей при занятии российского престола условия, став императрицей, Анна Иоанновна быстро показала свой нрав и эти условия просто отменяла. Теперь она была самовластной правительницей безо всяких ограничений, ненавидела двоюродную сестрицу Елизавету Петровну и весь род «выблядков» Екатерины I, но особо не торопилась и с замужеством племянницы тоже: ни к чему заводить наследника, ради которого может последовать переворот. Потому насильно Анну Леопольдовну замуж пока никто не гнал. Возможный ее жених отправился в Крым воевать под руководством Ушакова, который оставил о нем не слишком восторженный отзыв: «ни рыба ни мясо», но к ордену для приличия представил...

Императрица Анна Иоанновна пристально следила за своей двоюродной сестрицей красавицей Елизаветой Петровной, но не уследила за племянницей. Не слишком развитая умственно девушка рано развилась физически. Все вокруг нее во дворце твердило о любви (отнодь не возвышенной и не платонической), а потому даже лесбийская страсть к Юлии Менгден, которая, кстати, не прервалась, не помешала царевне влюбиться в саксонского посланника при русском дворе Карла-Морица Линара. Это совершенно неудивительно, Линар считался (и был) самым красивым мужчиной при дворе, к тому же умеющим романтично ухаживать и преподнести себя. А еще Линар был весьма женоподобен, потому новая страсть принцессы к красавцу вовсе не шла вразрез с ее любовью к Юлии.

Совершенно неожиданно помощницей в свиданиях стала наставница Анны генеральша Адеракс, как, собственно, и Юлия. Когда сия новость дошла до императрицы, Анна Иоанновна пришла в ужас! Не хватало только, чтобы наследник родился от кого попало! На что рассчитывал Линар, разыгрывая ответную влюбленность, непонятно, никто за него принцессу не выдал бы, пошиб не тот. В результате разборок генеральшу выгнали вон из России, Линара попросили спешно отозвать, а Анну Леопольдовну посадили под жесткий надзор, уже не заботясь ни об обучении, ни о развитии. Рядом оставалась только неизменная Юлия Менгден.

Но шли годы, невеста повзрослела окончательно, пора бы и выдать замуж. Свою кандидатуру предложил Бирон, у которого был сын, правда, на шесть лет моложе Анны Леопольдовны. Бирон ошибся только в одном: он предложил сына сразу принцессе в качестве альтернативы не понравившемуся ей Антону-Ульриху, а делать это нужно самой Анне Иоанновне. Хотя, кто знает, может, Бирон пытался предложить такой вариант и императрице, да получил отпор?

Невеста тоже предпочла некрасивого Антона-Ульриха, все же у того кровь королевская... Как ни тянула Анна Иоанновна, а обзавестись зятем пришлось...

Теперь оставалось ждать наследника. Но супруг допускался в спальню принцессы только в определенные «полезные» дни, в остальное время там господствовала все та же Юлия Менгден. И все-таки у него получилось!

Знай Антон-Ульрих будущую судьбу сына, своей супруги, остальных детей и свою собственную, может, и бежал бы сломя голову из России или, во всяком случае, не получив согласия в первый раз, предпочел другую невесту? Но у истории нет сослагательного наклонения, свадьба состоялась, через год после нее родился сын, крещенный в честь своего прадеда Иоанном Антоновичем, императрица могла быть спокойна.

Могла, но не была. Ее одолевали хвори, давали о себе знать больные почки, приступ следовал за приступом.

Выдали наконец замуж Анну Леопольдовну, и она, как по заказу, родила сына – Иоанна Антоновича. Анна Иоанновна смотрела на Елизавету словно с насмешкой, мол, по-моему вышло. Елизавета не противилась, но ее двоюродная сестрица прожила после рождения ребенка недолго.

Когда императором оказался младенец Иоанн, а регентшей при нем Анна Леопольдовна, не имевшая к этому ни малейшего стремления, Елизавете дышать стало легче. Бирон, правивший Россией вместо императорской четы, ей не досаждал, у него даже было намерение заменить на престоле Анну на Елизавету. Не удалось, Бирона отправили в ссылку, а хорошее отношение племянницы к тетке быстро сошло на нет. В России началось заметное брожение: к чему на престоле младенец, рожденный немкой от немца, когда жива-здоровая дочь Петра Великого? Простая в общении, красивая, веселая Елизавета с каждым днем становилась все популярней в армии. Ей не удавалось отсидеться в своей Александровской слободе, но и при дворе тетка, бывшая всего на четыре года старше племянницы, матери императора-младенца, выглядела куда эффектней. Красавица Елизавета затмевала императрицу-регентшу Анну Леопольдовну и приковывала к себе все больше внимания.

Елизавета помнила это прекрасное и очень опасное время. Ей шел тридцать первый год; в расцвете женской красоты, умудренная опытом, она была удивительно хороша. Хождение над пропастью закончилось через полгода. Анна Леопольдовна решила, что иметь даже просто рядом столь сильную соперницу опасно, император Иоанн Антонович слишком мал, чтобы можно было спокойно править, дожидаясь его взросления, а дочь Петра Великого вон она, танцует каждый день на балах, блещет на маскарадах, крестит детей у гвардейцев, выпивая при этом с ними по стопочке под крики «Виват!». Стоит ей только захотеть, и гвардия на руках понесет Петрову дочь на трон...

Вместе со сменившим Бирона Минихом, а за ним Остерманом было решено либо поскорее выдать Елизавету замуж за мелкого немецкого принца и спровадить из России, уже не обращая внимания на ее желание или нежелание, либо постричь и отправить в какой-нибудь дальний монастырь. Сама Елизавета не была согласна ни на то ни на другое, но угроза оказалась слишком серьезной, чтобы от нее отмахиваться.

В ужас пришли и ее сторонники, ведь в таком случае всем им грозила ссылка, недаром же неугодный Бирон теперь жил в Пелыме!

Ни в далекий, заснеженный большую часть года Пелым под Тобольском, ни в какое-нибудь немецкое захолустье, да еще и с неприятным мужем, Елизавете, конечно, не хотелось, и она согласилась с доводами своих приверженцев. Вернее, согласиться пришлось, потому что последний разговор с августейшей племянницей надежд на вольное будущее уже не оставлял. Ситуация сложилась «сейчас или никогда!» В ночь с 24 на 25 ноября 1741 года гвардия действительно принесла дочь Петра Великого Елизавету Петровну на трон.

В первую очередь она озаботилась судьбой прежних правителей, то есть младенца Иоанна Антоновича и его родителей. Не стоит пересказывать горестную судьбу российской «железной маски» – царевича, в конце концов убитого при попытке Мировича освободить его из каменного плена. Судьба Анны Леопольдовны и ее детей, рожденных в неволе, была немногим лучше, она умерла в Холмогорах молодой, а сестры Иоанна Антоновича, хотя и выехали

за границу при следующей правительнице, тоже долго не протянули. Антон-Ульрих namного пережил свою супругу, но что это была за жизнь...

Вторым важным вопросом для новой императрицы стал выбор наследника, хотя большого выбора у нее как раз не было. Собственных детей у Елизаветы Петровны не имелось, есть сведения, что она была тайно венчана со своим любимым сладкоголосым красавцем Алексеем Разумовским, но от такого брака деток всему миру не предъявишь, даже если родились. Самозванцев, конечно, в связи с этим нашлось немало, одна из них – княжна Тараканова, но официальных детей у императрицы не имелось.

Пришлось поискать по округе среди родственников, правда, не по материнской, а по отцовской линии.

Конечно, в первую очередь Елизавета Петровна вспомнила о своей старшей сестре Анне, которую выдали замуж за Карла-Фридриха Голштинского. Петр Алексеевич долго противился этому браку любимой дочери, словно чувствуя, что добра не будет, но в конце концов согласился, хотя венчание состоялось уже после смерти императора. У Анны Петровны родился сын Карл-Петер-Ульрих, тот самый «чертушка», мальчик из Эйтина, не желая передавать корону которому, Анна Иоанновна и вытащила на свет свою племянницу Елизавету-Христину, ставшую Анной Леопольдовной. Мать Карла-Петера Анна Петровна сгорела от быстротечной чахотки через два месяца после рождения сына, ее супруг герцог Карл-Фридрих, распутник и гуляка, не был способен воспитать мальчика должным образом, пустив все на самотек.

Но и он умер, оставив одиннадцатилетнего подростка полным сиротой на попечении родственников в Эйтине подле Любека. Сложность заключалась в том, что Карл-Петер-Ульрих вдруг оказался наследником не одной, а сразу двух корон – российской и шведской! Когда императрицей России была объявлена Анна Иоанновна, стало ясно, что российского престола ребенку не видать, и его принялись готовить к шведскому, а посему усиленно вдальбливали основы протестантской религии. Правда, подготовка на этом и заканчивалась, отрок был малограмотен и категорически не любил учиться.

И на подростка, который ни слова не знал по-русски, не имел ни малейшего представления о том, как и чем живет родина его матери и деда, к тому же обожавшего все прусское и почти боготворившего короля Пруссии Фридриха, вдруг свалилось такое – наследование российского престола после своей тетки Елизаветы Петровны.

В Киль примчался посланник из Петербурга, чтобы увезти Карла-Петера с собой к тетке в далекую и холодную Россию. Сам мальчик был абсолютно уверен, что найдет в снегах России свою погибель (предчувствие не обмануло, но вовсе не так, как виделось в страшных снах Карлу-Петеру-Ульриху).

Увидев племянника впервые, Елизавета Петровна испытала нечто похожее на то, что перенесла Анна Иоанновна, увидев жениха своей племянницы. Долговязый подросток, некрасивый, со странным отрешенным выражением лица, глазами навыкате, давно привыкший к вкусу вина, грубый и малограмотный, увлекался только военной муштрой, разговаривал преимущественно на тему амуниции и военных маневров, причем прусских, и не желал учиться новому, если это новое не касалось военной тематики.

Можно бы надеяться исправить племянника, что Елизавета Петровна и попыталась сделать. Прежде всего, его требовалось крестить в православную веру, а значит, был определен наставник, обучающий ее основам.

Карл-Петер-Ульрих, или Петр Федорович

Возок, вздымая снежную пыль, мчался на восток. Закутанный до самого носа мальчик тоскливо поглядывал на заиндевшее окошко, ему вовсе не хотелось ехать в далекую незнакомую страну к совершенно чужой тетке, чтобы стать Великим князем и наследником российского престола. Но он знал, что за малейшее сопротивление будет жестоко наказан, а потому молчал, смирившись с судьбой.

Карл-Петер под именем молодого графа Дюкера ехал в Петербург. Сопровождали его два барона Корфа, нарочно присланных из России в Киль (один был мужем двоюродной сестры новой императрицы, а второй – российским посланником в Дании), и его голштинские наставники и слуги: обер-гофмаршал Брюммер, обер-камергер Берхгольц, камер-интендант Густав Крамер, егерь Бастиан и лакей Румберт.

Подростку было совсем тошно, его жизнь и дома-то нельзя назвать легкой из-за постоянных унижений и наказаний, почти ненависти воспитателей, а каково будет там, в далеком чужом Петербурге? Мальчика не замечали немецкие дяди, сдав на руки жестоким наставникам, мог ли Карл-Петер ожидать чего-то доброго от далекой русской тетки, которая, наверное, и слова не знает ни по-немецки, ни по-французски. А он – ни слова по-русски!

Сын русской царевны, внук русского императора Петра ехал на родину своей матери и своего деда с тоской в сердце.

Он родился в Киле в феврале 1728 года у русской цесаревны Анны Петровны и Гольштейн-Готторпского герцога Карла-Фридриха.

В брачном договоре его родителей значилось, что мальчики, рожденные в этом союзе, должны воспитываться в лютеранской вере, а девочки – непременно православными, православной оставалась и сама Анна Петровна. Новорожденного крестили, дав имя Карл-Петер в честь двух великих дедов – с русской стороны дедушкой был император Петр I, со шведской двоюродным дедом приходился Карл XII. Но этим же договором оба родителя отказывались – от своего имени и от имени будущих детей – от прав на российский престол. Правда, оставалась возможность прямым указанием императора призвать к наследованию принца либо принцессу, рожденных в этом браке.

Вопреки многочисленным выдумкам о слабом здоровье с самого рождения младенец был крепким и сильным, его организм испортили позже. А вот матери он лишился рано. В честь рождения наследника в Киле устроены праздники с многочисленными фейерверками и иллюминацией. Страстно любившая, как и ее отец, подобные развлечения, Анна Петровна встала с постели и, раскрыв окна, стала любоваться рассыпающимися в небе огнями. Фрейлины бросились к своей герцогине, убеждая не рисковать так, но она только отмахнулась:

– Мы, русские, не так изнежены, как вы, и не знаем ничего подобного.

Усмехалась зря, за этим последовала простуда, горячка и... смерть!

Кроха Карл-Петер остался сиротой.

Совсем скоро из России стали приходиться неприятные для надежд герцога Гольштейна новости. Там продолжалась чехарда власти. Когда пара уплывала в Киль, императором в Петербурге был внук Петра I, сын царевича Алексея Петр II, управлял страной до совершеннолетия императора Регентский Совет, в который, кроме Меншикова и двух цесаревен, Анны и Елизаветы, входил и Карл-Фридрих Голштинский. Но стоило Анне и Карлу отбыть в Киль, как начались перемены.

Умерла Анна Петровна. Потом внезапно умер Петр II, и на российском престоле оказался не другой внук царя Петра I маленький Карл-Петер, а племянница императора Анна Иоанновна, дочь старшего брата Петра Иоанна V. Формально все было соблюдено, ведь Анна Петровна и Карл-Фридрих отказались за себя и детей от престола, но новая правительница

не собиралась помогать Карлу-Фридриху вернуть его собственные, сильно урезанные Данией владения, как это некогда обещал сделать император Петр I. Анна Иоанновна не считала себя обязанной выполнять обещания дяди, не слишком считавшегося с ней самой.

Конечно, Карлу-Фридриху очень обидно, он не раз повторял, кивая на своего сына:

– Этот молодец отомстит за нас.

Видно, ради такой мести и воспитывали Карла-Петера по-военному, то есть имея в виду, что мстить надо будет во главе войска. Теперь мальчику светил шведский престол, потому что в Швеции правила сначала его бездетная бабушка Ульрика, а потом – ее супруг Фредерик. Хотя перед коронацией сестра Карла XII Ульрика отказалась за себя, своего мужа и своего племянника Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского от короны, королевой она все же была избрана, как потом ее супруг Фредерик королем, других родственников этой династии просто не существовало. Можно надеяться, что следующим пригласят править если уж не Карла-Фридриха, то его сына Карла-Петера, двоюродного внука знаменитого шведского императора Карла XII.

А вот России предстояло мстить.

Мальчика воспитывали очень жестко и временами жестоко. Стояние на горохе или битье кнутом и розгами были в порядке вещей. Отец гордился случаем, который в других условиях мог только осуждаться. Да и сам Карл-Петер с удовольствием вспоминал, что, будучи в чине сержанта, стоял на часах рядом со взрослым сержантом у дверей залы, в которой его отец в свой день рождения давал большой обед. Девятилетний Карл-Петер был очень голоден, ведь его часто забывали покормить, но, едва не плача, терпел, когда мимо пронесли аппетитные блюда, от которых текли слюнки и у сытых взрослых. Отец это заметил, но не снял ребенка с его поста, напротив, смеялся, показывая на мучения сына пальцем и переговариваясь с сотрапезниками. Карл-Петер вытерпел, не расплакался, за что был награжден – произведен из унтер-офицеров в секунд-лейтенанты и приглашен к столу в новом звании. Однако трапеза у голодного ребенка так и не состоялась, от волнения он просто не смог проглотить ни крошки.

И вот теперь за обледеневшим окошком возка мелькали заснеженные просторы сначала Пруссии, а потом России. Елизавета Петровна очень боялась, что племянника перехватят и не позволят вывезти в Петербург, а потому все проходило тайно. Но боялась она зря, император Фридрих Прусский прекрасно знал, кого везут в сторону России под именем юного графа Дюкера, но вмешиваться не собирался: иметь на российском престоле или даже просто наследником человека, весьма ему преданного, императору было на руку. Карл-Петер был заочно просто влюблен в прусского императора, даже сам Фридрих смеялся:

– Я – его Дульцинея, он влюблен в меня заочно, как Дон Кихот...

С каким удовольствием мальчик ехал бы в обратную сторону – в Берлин! Но возок мчал его на восток...

Карл-Петер в отличие от своей тетушки в картах разбирался и им верил, это Елизавета до конца жизни была убеждена, что географические карты противу гадальных врут, сильная Англия не может быть маленьким островом. Карл-Петер знал, что его дед император Петр поставил столицу своей крупнейшей страны довольно близко к границе, остальные просторы России лежали где-то там, на востоке... Но мальчику не были нужны ни восточные, ни западные просторы этой страны.

Окрестности Петербурга его не впечатлили совершенно – вокруг леса да болота, но, когда мальчик увидел сначала шпиль Адмиралтейской иглы, а затем бастионы Петропавловской крепости, уважение к великому деду у него возросло неизмеримо. Зачарованный Карл-Петер долго стоял на берегу Невы, безмолвно любуясь машиной крепостных стен. Да, это силища...

Сзади раздался голос кого-то из русских:

– Хороша крепостица? У государя Петра Алексеевича таких немало. Вон и Кронштадт силен...

Глаза принца блестели, здесь было что посмотреть! Он построит таких крепостей еще много, в каждой будет сильный гарнизон, станут проходить смотры, парады...

Но пока предстояла встреча с императрицей. Оказалось, что она свободно говорит и по-французски, и даже по-немецки. Только Карл-Петер не знал, как себя вести. Если как взрослому, значит, надо целовать императрице руку, если по-детски, то будет несолидно.

Елизавета Петровна все решила сама. Уже зная о некоторой скованности мальчика, она предпочла познакомиться с ним без большого числа свидетелей, сначала посмотреть самой. Увидев, как в высоких дверях появилась шуплая фигурка, затянутая в военный мундир, государыня порадовалась своему решению. Племянник был мал, неказист и неуверен в себе. Рослый наставник Брюммер рядом с ним казался почти гигантом. Но это только на фоне Карла-Петера, стоявшие на часах гвардейцы смотрели и на Брюммера свысока.

Императрица направилась навстречу мальчику сама, протянула руки:

– Карл-Петер... как я рада тебя видеть. О... твой портрет совсем не таков, ты вырос (какая ложь!)... окреп (и снова ложь)... похорошел (разве что блеском глаз от восхищения Петропавловской крепостью)...

Елизавета Петровна сумела сдержать все негативные эмоции от вида племянника, ей по-матерински стало жаль этого явно затюканного ребенка. Не стала протягивать ему руку для поцелуя, притянула к себе, троекратно расцеловала в щеки, шепнув:

– На Руси так положено родственникам...

Карл-Петер почувствовал запах хороших духов, у императрицы восхитительно шелестело платье, она была очень красива и доброжелательна. На время приема мальчик даже забыл о крепости на том берегу Невы.

Елизавета Петровна в разговоре довольно ловко попыталась выяснить уровень образования мальчика и пришла в ужас. Уж на что она сама знала кое-что кое о чем, но племянник не знал и того. Императрица ничего не стала говорить ребенку – это не его вина, скорее беда, но задумалась.

– Алексей Петрович, что делать-то? Хорошо, что теперь привезли, а не позже, когда уж и не исправить...

– Ничего, он еще молод, приставим толковых учителей, всему обучат.

– Брюммер говорит: не любит наследник учебу-то. Неусидчив, неупорен, хотя память отменная.

– А вот этот Брюммер и виной тому. Кабы учили с интересом и смыслом, он и учился бы. А как вон за всякую малую провинность коленками на горох или розог вдоволь, так и учиться не пожелаешь.

– Брюммера бы отослать, да только заскучает без своих Петер...

– Пока пусть останется, мы к мальчонке учителей толковых приставим, они ему все время займут. Только слаб больно, в чем и душа держится.

К наследнику престола были действительно приставлены весьма толковые учителя: Симеон Тодорский должен приготовить к переходу в православие, Исаак Веселовский – учить русскому языку, Якоб Штелин – многим наукам, а еще Лоде – танцам, потому как будущий император должен уметь двигаться и на балах, а не только на плацу. Елизавета Петровна не пустила воспитание племянника на самотек, как это сделали родственники в Киле и Эйтине, она потребовала представить программу обучения именно этого подростка; из представленных ей больше понравилась именно программа Якоба Штелина.

Но до начала обучения еще прошел день рождения наследника – ему исполнилось четырнадцать, а потом – роскошная коронация самой императрицы в Москве. Карл-Петер был потрясен и очарован. Его не били, не ругали, хотя и не потворствовали, не забывали накормить, с ним обходились как с желанным родственником, в его честь устроена грандиозная иллюминация, огни фейерверка чертили в воздухе цифру семь, помноженную на два, все кланялись, улыбались, желали здоровья и долгих лет.

Половины произносимого мальчик не понимал, потому что не знал русского, а не все знали немецкий, но чувствовать себя в центре внимания оказалось очень приятно, возможно, потому, что внимание это было радостным и даже заискивающим (как же, наследник!). Столы ломились от яств, никто ничего не сэкономил и не берег, его наклонностям пока потакали. Елизавета, решив порадовать Карла-Петера, любившего все военное, распорядилась произвести его в подполковники Преображенской гвардии, мундир которой он немедленно надел. Также его сделали полковником первого лейб-кирасирского полка. Это привело Петера в полный восторг, один вид рослых красавцев-кирасиров вызывал у подростка спазмы в горле. Он с важным видом выслушивал ежедневные доклады маршала Ласси, бывшего подполковником этого же полка. Елизавета Петровна посмеивалась:

– Чем бы дитя ни тешилось...

Но прошли дни праздников; в Россию Карл-Петер прибыл 5 февраля, а 1 июня императрица вызвала племянника к себе и представила нового учителя – профессора Якоба Штелина:

– Ваше высочество часто скучает и должен научиться еще многому, потому представляю вам человека, который займет вас полезно и приятно.

Штелин не смотрел на неуча свысока, кроме того, он придумал систему обучения, которая весьма понравилась мальчику. Профессор быстро уяснил, что наследник имеет великолепную память, но совершенно не привык получать знания системно, было решено обучать в игре. Книжки обязательно с картинками, историю петровского правления по медалям, древнюю историю по монетам, геометрию по чертежам крепостей, географию на большом глобусе, картографию – начиная с плана комнаты наследника и до планов разных городов... Одного не учел умный Штелин, что наследнику не пять лет, когда игра развивает воображение и способность мыслить, ему шестнадцатый год, играть несколько поздно.

Конечно, обучение в игре Карлу-Петеру нравилось куда больше, он с удовольствием разглядывал картинки в огромных фолиантах, которые приносил Штелин, образцы в Кунсткамере, глазел на постовых из окна кареты, когда на прогулке наставник объяснял организацию работы полиции, обожал наблюдать, как тушат пожары, мало прислушиваясь к объяснениям профессора о действии насосов, зато шепотом и сам отдавая приказы бегавшим пожарным... Только это ничуть не развивало усидчивость и способность к регулярным, серьезным занятиям, тем более к занятиям самостоятельным. Самостоятельно Петр не был способен, вернее, научен постигать ничего.

Возможно, занимайся Штелин со своим подопечным несколько лет и регулярно, ему и удалось бы постепенно перейти к более строгой, чем игра, системе обучения, но сначала мешали бесконечные болезни наследника, а потом... его женили. Женатому князю ползать по полу, рисуя план комнаты или крепости, не к лицу. Занятия прекратились.

А вот тяга к игре осталась. Играть в умные, развивающие игры Карл-Петер был не способен, а потому занялся игрушечными солдатиками. Правда, остались макеты крепостей, но не для изучения математики и фортификации, а для игры в развод караулов...

Но это было позже, а сначала Якоб Штелин носил и носил наследнику различные пособия, водил его в Кунсткамеру, где мальчику очень понравились уродцы, собранные при Петре I, возил по городу, объясняя его планировку...

Очень мешал занятиям тот же Брюммер, которому вовсе не импонировал Штелин, заступавшийся за мальчика в случае наказаний. Однажды профессору пришлось даже отнимать

Карла-Петера у его сурового наставника, чтобы тот не прибил подростка. И все же наследник не отправлял от себя немецких наставников, хотя мог бы это сделать, лишь попросив тетку.

Много времени отнимали занятия с французским танцмейстером Лоде, здесь подростка примирил его скрипач Гайя. Император Фридрих прекрасно играет на флейте? Значит, и Карл-Петер должен на чем-то играть. Решено – на скрипке. Правда, наследник почему-то не попросил учить его самого Гайя, этим занялся егерь Бастиан, естественно, не блиставший исполнением.

Так и проходили дни: в учебе со Штелином, спорах с иеромонахом Федоровским, который не мог обучать наследника основам веры в виде игры, а потому мучился со строптивым подростком, танцевальными па в зале с Лоде, с балами и праздниками по вечерам, игрой в солдатики вместе с лакеями и слугами...

В ноябре он был крещен, имя не изменилось, назвали в честь знаменитого деда Петром, а отчество дали Федорович. Императрица так опекала все это время наследника, что при крещении тот вел себя вполне прилично, хотя обычно был дерганый и очень беспокойный.

Новое имя, новая жизнь... что-то в ней нравилось, что-то не очень. Главное – о нем заботились, причем не как о солдате, который должен быть всего лишь стойким, а как о мальчишке, которого нужно вырастить, образовать и наставить на жизненный путь... И Петер никак не мог понять, по душе ему такая жизнь или нет.

В честь крещения императрица заново обставила ему комнаты, подарила на личные нужды 300 000 рублей. Это были огромнейшие деньги, а для ребенка, никогда не имевшего их вообще, просто невыносимые. В сказке, которая началась вокруг, не хватало только одного – его любимого императора Фридриха Прусского. Елизавета Петровна посмеивалась над таким пристрастием племянника, но не осуждала, справедливо рассудив, что нельзя сразу обрывать привычную жизнь. Потому игре в солдатики никто не препятствовал и говорить по-немецки не запрещал.

Елизавета Петровна играла в карты со своим фаворитом Разумовским, искоса поглядывая на наследника, кривлявшегося в стороне с фрейлинами. Те хихикали, пытаясь уловить скрытый смысл в ужимках великого князя, хотя никакого смысла в них не было, просто подросток, не привыкший не только к придворному, но и вообще женскому обществу, об общении с дамами сведения получавший только от егеря Бастиана и своего слуги Румберта, не знал, как себя вести. Наученный танцмейстером Лоде, в танце Карл-Петер умел подать руку и провести партнершу как надо, но о чем с ней говорить? Девушки определенно не интересовались устройством крепостей или отличиями в мундирах, кроме того, великий князь предпочитал немецкий, а его понимали не все...

Конечно, Петр приглядывался к окружающим, но вести себя так же просто не мог, это раздражало и сковывало одновременно. Все равно он был чужим...

Подкладывая даму трэф, императрица улыбнулась:

– Пора невесту искать наследнику.

– Невесту? Да он ребенок совсем, только что в мундире.

– Наследника крестили, учат, на это время надобно, поди, и с невестой так?

– Не русскую брать, что ли?

– Свою нельзя. Вспомни, что было, когда Петру Алексеевичу княжну Меншикову сватали (императрица имела в виду внука Петра I, который умер незадолго до свадьбы с княжной Долгоруковой, а перед тем был обручен с дочерью Меншикова, которого вместе с семьей сослали в Березов). Не хочу раздор среди своих вносить.

– А думаешь, матушка, и без того не будет? Снова начнут лаяться, из какого дома невесту брать.

– Есть у меня на примете, да только ты прав, недовольных найдется. А мы все равно по-своему сделаем!

Елизавета Петровна скинула карты, показывая, что ее взяла. Разумовский развел руками:

– Во всем тебе, Елизавет, везет, что в картах, что в любви...

Она почти плотоядно улыбнулась и скомандовала:

– Все, пора и честь знать, на покой пора, поздно уж.

Если честно, то было скорее рано, потому что, будь дело летом, уже забрезжил бы рассвет, и только осенняя петербургская ночь делала окна темными.

Разумовский покосился на наследника, который с явным облегчением раскланялся с фрейлинами и поспешил целовать ручку тетушке. Какой из него муж? Ему еще самому мамка нужна... Некрасивый, щуплый, со странно вывернутыми коленками, которые прикрывались большими ботфортами сапог, даже по бальной зале двигавшийся почти строевым шагом, Петр вызывал скорее жалость, чем восхищение. Может, правда перерастет?

Императрица не слишком хотела поступать по подсказке своего мудрого и хитрого канцлера Бестужева-Рюмина, а потому, выбрав невесту, ему именно ничего и не сказала. Елизавета Петровна выбрала Софию-Фредерику – дочь Христиана-Августа Ангальт-Цербстского и Иоганны-Елизаветы, троюродную сестру Петра и племянницу внезапно умершего перед самой свадьбой ее собственного жениха Карла. Петру тоже сразу ничего не сказали – успеется, но девушку вместе с матерью пригласили в Россию. Императрица распорядилась устроить достойную встречу. Узнав об этом, Бестужев рвал и метал, ведь он предлагал совсем другую невесту – из Саксонской династии. Но огорчаться канцлеру пока рано, портрет – еще не сама невеста, а невеста – еще не жена.

В Россию...

В Берлине Иоганна привычно оставила Фрикен дома и отправилась ко двору одна, ей даже в голову не пришло, что главная фигура во всей суете – ее дочь; казалось, Фрикен – всего лишь досадная обуза.

На вопрос, почему не прибыла сама принцесса София, ради которой, собственно, затевалась встреча, был дан ответ:

– Она нездорова после дальней дороги.

Но ясней всего говорил взгляд Иоганны-Елизаветы: мол, разве мало моего присутствия, при чем здесь дочь?

Император оказался настойчив, на следующий прием потребовал привести Софию-Фредерику непременно. Мать ужаснулась, будучи уверенной, что дочери нигде не придется появляться: она не позаботилась о нарядах для Фрикена, с собой взяли всего пару домашних платьев, одно – для скромного выхода, придворного не было вообще, а старые использовать нельзя, девочка быстро росла, и они все малы.

Фрикен снова осталась дома. Император Фридрих почувствовал ложь в неуверенном голосе принцессы Иоганны, предложил немедленно отправить к девочке лекаря, если уж она столь больна, что второй раз не может прийти на прием ко двору. Пришлось признаваться в отсутствии наряда... Разъяренный Фридрих распорядился отправить Софии-Фредерике платье его сестры. Оно оказалось великовато, но девочка все же появилась на обеде у короля.

Конечно, Иоганна пережила немало неприятных минут объяснений с Его Величеством, но все закончилось благополучно, сама невеста Фридриху понравилась, он дал Софии наставления на будущее, а ее матери вообще поручение: вместе с французским посланником Шетарди постараться скинуть со своего места канцлера Бестужева. О... это было бальзамом на душу Иоганне! Кого-то с кем-то поссорить и вмешаться в чужие дела... любимое занятие, кроме того, это поручение короля, и дано оно с уверенностью в том, что Иоганна сможет воспользоваться своими родственными (!) связями при русском дворе.

Конечно, сможет! Разве императрица Елизавет не ее родственница и не бывшая невеста ее брата? Смотрите, как Елизавет привязана к ее семье, к самой Иоганне! Фрикен снова была практически забыта, ей полагалось всего лишь находиться рядом с матерью и вести себя прилично. Иоганна чувствовала себя не просто в центре внимания, а в центре европейской политики. Подумать только, от ее ловкости, в которой мать Фрикен не сомневалась ни на мгновение, зависели отношения в Европе! Это ли не звездный час?

Иоганна принялась собираться в Россию так, словно это ей предстояло выйти замуж. Удивительно, что сама Фрикен не оказалась по оплошности оставленной с отцом в Берлине.

Наконец в январе все было улажено, и Иоганна с дочерью и минимумом сопровождающих – полковником Латорфа, фрейлиной Каин, горничной Шенк и несколькими слугами – двинулись вперед. Фрикен тепло попрощалась с отцом, словно чувствуя, что больше его не увидит: фельдмаршала почему-то не позвали в Россию.

Ехали под именем графини Рейнбек и ее дочери.

Императрица почему-то торопила, а снег, как на грех, в тот год не выпал, пришлось тащиться по стылой грязи, которая днем на солнышке превращалась в настоящую. Зато постоянно дул ледяной ветер, намерзлились и намучились сильно.

Но только до границы России. Словно стремясь оправдать репутацию России как страны снегов и морозов, за Митавой уже лежал снег, а мороз стал столь силен, что пришлось закрывать лица шерстяными масками. И вот граница России, там, за Двиной, уже ее земли...

Их встретили загодя, от этой встречи голова пошла кругом.

От Митава до границы почтовых станций уже не было, пришлось брать лошадей и даже сани у местных крестьян, потому и кутаться во все, что нашлось под рукой, – шубейки у принцесс оказались для русских холодов куцеваты. Выглядели путешественницы не слишком презентабельно.

Увидев впереди толпу, Иоганна откровенно занервничала, но провожавший их от Митава русский полковник Воейков успокоил:

– Вас встречает рижский вице-губернатор князь Долгорукий.

Русские все делали с размахом, приказано встретить достойно – встретили. Только это «достойно» немецкими принцессами и рижским вице-губернатором понималось по-разному. Русские все делали с размахом, непривычным для немецких принцесс.

Сани остановились, не доехав до блестящей на солнце золотой придворной кареты, с окнами из хрусталя. Фрикен мысленно ахнула: как в сказке про Золушку! Оставалось только надеяться, что карета не превратится через пару часов в тыкву...

Не превратилась: карета, Долгорукий, эскадрон кирасир в черных плащах, восседавших на отборных рыжих лошадях, множество саней сопровождающих, звон бубенцов и даже роскошные шубы на собольем меху, преподнесенные гостям от имени императрицы, чтобы не замерзли в дороге, – все было настоящим, хотя казалось совершенно нереальным.

Им помогли перебраться в императорскую карету, перетащить немногочисленные вещи (снова выглядели, как бедные родственницы!) и тронулись в путь к Риге. Роскошнейшие шубы на плечах, каких не бывало даже при дворе императора Фридриха, обтянутые шелком сиденья кареты на полозьях (чтобы ехать по снегу быстрее), эскорт – все казалось сном, ожившей сказкой. Но это было только начало. В Риге их встретил не просто перезвон церковных колоколов, весь город высыпал на улицы, раздавалась пушечная пальба, приветственные крики, музыка полковых оркестров... Все смешалось в единый шум, блеск, от которого просто кружилась голова...

К изумлению Иоганны и Фрикен, встречающие говорили по-французски едва ли не лучше их самих, многие понимали и немецкий, все были ласковы, предусмотрительны, вежливы... Никаких медведей на улицах, никакого дикарства.

Генерал-аншеф Салтыков, приветствовавший их в Риге и сопровождавший до Петербурга, в красивом большом парике, кафтан на нем отменного покроя, вовсе не старомодный, с бриллиантовыми пуговицами, причем этих кафтанов несколько (трижды менял за день!), и пуговицы на всех разные, но не менее богатые...

Богатым здесь было все: наряды встречавших, кареты, даже лошади у кирасиров...

Передохнули в Риге и отправились в Петербург. Императрица с наследником были в Москве, и Елизавета Петровна приглашала путешественниц туда, но сначала решено передохнуть в столице.

Петербург показался шпилем Адмиралтейства и еще высоченным шпилем какого-то собора. Салтыков объяснил, что это Петропавловская крепость, а шпиль ее соборный... Его последние слова потонули в пальбе пушек – путешественниц приветствовали с крепостных бастионов. У высокого крыльца Зимнего дворца их встречал санкт-петербургский вице-губернатор князь Репнин со свитой. Солнечные зайчики, отражавшиеся от золота и бриллиантов на их нарядах, слепили глаза.

К Иоганне с дочерью приставлены четыре фрейлины, которые тут же сообщили, что им необходимо «приспособиться к русской моде», а посему надлежит перемерить несколько нарядов, чтобы определить, какие подойдут. Никакого различия в моде не было, русский двор одет по последней парижской моде, но императрица, видно, хорошо знала положение финансовых дел в Цербсте, а потому давала возможность Иоганне с дочерью приодеться, чтобы не выглядеть бедновато на фоне блеска двора.

Таких нарядов у Фрикен не было никогда в жизни! Мать старательно делала вид, что их багаж с платьями просто постигло несчастье – затонул, а потому они вынуждены принимать предложенное по-родственному Елизаветой Петровной. Фрейлины соглашались, щебетали вокруг, но было видно, что они все понимают.

Наконец двинулись в Москву. Обоз из тридцати роскошных саней – это сопровождение принцесс. Но Иоганна и Фрикен уже ничему не удивлялись, такое внимание стало привычным, к хорошему вообще привыкаешь быстро.

Главная дорога государства, по которой часто ездила императрица, – очень широкая, тщательно выровненная, даже выглаженная, освещена множеством костров, чтобы ехать можно и затемно. По пути не просто почтовые станции – путевые дворцы, в которых всегда ждут ужин и перины для сна. Сказка продолжалась...

В Москву прибыли уже вечером, но в Головинском дворце их ждали.

Едва успели сбросить шубы, как примчался великий князь. Петр за те годы, что мать и дочь его не видели, немного вырос, но мало изменился. Он был все так же неуклюж и угловат, но весьма обрадован приездом родных, о чем немедленно сообщил по-немецки:

– Как я рад вашему приезду! Я хотел скакать вам навстречу, но тетя не пустила!

Фрикен смотрела на своего возможного жениха и дивилась: куда девался тот зажатый, несмелый узкоплечий мальчик из Эйтена? Плечи не стали шире, хотя он, конечно, вырос и окреп, но дело не в том. Петер стал уверенней, он чувствовал свое новое положение, заботу и почти преклонение окружающих (еще бы – наследник престола!). Фрикен поняла: это из-за того, что с ним хорошо обходятся, наверняка здесь никакого гороха и розог. Девочке понравилось.

Но тут пришел скороход от императрицы, зовущей в свои покои.

– Но мы не переодеты! – в отчаянье вскрикнула Иоганна.

Слуга в богато расшитом золотом кафтане низко поклонился:

– Велено, как есть...

Фрикен почему-то подумала, что если уж у слуг позумент золотой...

Иоганна, выполняя требования придворного этикета, быстро произносила заготовленную для императрицы речь, а София-Фредерика исподтишка разглядывала Елизавету Петровну. Императрица, по одному мановению руки которой их жизнь была превращена в сказку, выглядела соответственно – доброй феей. Она была удивительно красива, полноватая, но мягкая и грациозная, особенно хороши лучистые светло-синие глаза. Фрикен подумала: жаль, что племянник совсем не похож на тетушку. Живая, легкая, со здоровым (пока еще) румянцем, алыми красивой формы губами, Елизавета Петровна была удивительно приветлива, спокойно выслушала сбивчивую речь родственницы, ответила на отменном французском, что очень рада приезду и ее намерения останутся такими же, расцеловала обеих принцесс в щеки и пригласила пить чай.

– Княгиня, как вы похожи на своего брата!

Ее прекрасные глаза затуманились слезами. Иоганна действительно была похожа на Карла, но об этом давно забыла, Карл умер много лет назад, и сестра не вспоминала бы о нем, если бы не российская императрица.

Потом они пили чай втроем, Елизавета Петровна то и дело переводила разговор на Софию-Фредерику, которая интересовала ее куда больше берлинских придворных связей ее матери, о которых Иоганна все пыталась намекать императрице. Правительнице понравился французский язык девочки, она откровенно сказала, что для того, чтобы стать невестой великого князя, нужно многому научиться:

– Небось не к одной тебе сие требование, князюшка тоже от учебы не бегаёт, за уроками сидит ежедневно. Нужно русский выучить непременно. При дворе можешь говорить по-французски, но с людьми – по-русски, в России не любят тех, кто нашего языка не знает.

Фрикен смотрела на красивую доброжелательную женщину во все глаза, время от времени кивая, казалось, девочка впитывает каждое слово, каждый звук. Императрица даже чуть смутилась:

– Мучить тебя занятиями не станут, я распоряжусь, да только прилежание все равно нужно.

Иоганна просто не могла дольше сидеть неприметно, вмешалась:

– Прилежанием София славится. Все, что полагалось, учила добросовестно. – Видно, вспомнила набор этих самых уроков, чуть смущенно уточнила: – Не все, что ей преподавали, нужно при русском дворе... Но читать принцесса любит очень!

– Это очень хорошо. А еще непременно условие венчания – переход в православную веру.

Девочка почти с ужасом посмотрела на мать. Перед отъездом отец вручил ей большую записку о том, что должна и чего не должна делать дочь в далекой чужой стране. Первой из этих «не должна» была перемена веры. Именно из-за православия Христиан-Август и был против предстоящего брака. Императрица, видно, все поняла, ее ласковая рука легла на пальчики девочки:

– Никто неволить не станет. Приставлю к тебе умного человека, который все объяснит, примешь душой веру – значит, крестишься, а на нет и суда нет.

Мать с дочерью не поняли выражения, Елизавета Петровна объяснила.

– Князь Петр не слишком усерден был в изучении основ православия, крестился, больше чтоб мне угодить, ты, девочка, вижу, разумная, постарайся понять и принять. Отличия с лютеранством в символах веры нет, только в обрядах, а православные обряды красивы и душевны. Но навязывать не стану.

Принцесса Иоганна опомнилась:

– Вашему величеству отдыхать пора, а мы вас задерживаем своими разговорами...

Елизавета Петровна почему-то от души расхохоталась, позже Фрикен поняла почему – для императрицы день только начался, она не спала по ночам.

– Удобно ли вас разместили?

– Пока не знаю, но думаю, удобно, – Иоганна снова чувствовала себя в центре внимания, дочь была отодвинута в сторону.

– Отдыхайте несколько дней, потом пришлю учителей Софии.

– Можно завтра, – неожиданно даже для себя вдруг заявила девочка.

Императрица с изумлением посмотрела на нее и улыбнулась:

– Хорошо, завтра. А ныне отдыхайте после долгого пути... Потом расскажете и о том, как ехали, и том, как жили...

В комнатах было тихо и почти жарко, потрескивали дрова в печи, поскрипывал снег под ногами у кого-то из охранников под окнами, похрапывала быстро заснувшая мать. А Фрикен спать не могла. Нет, постель, как всегда в России, была мягкой и пышной, лежать удобно, но девочке мешали уснуть мысли.

Ее привезли в далекую Россию, чтобы выдать замуж за Карла-Петера. Он уже крещен и теперь просто Петер. Тот самый мальчик из Эйттина, которому страшно завидовала маленькая Фрикен, все же стал наследником российской короны. А она должна стать его женой. Фрикен была девочкой своего времени, она прекрасно понимала, что будущего мужа ей выберут родители, воспитанная в лютеранской строгости, помнила, что должна его полюбить и быть верной, хорошей женой, и теперь только пыталась понять, сможет ли быстро полюбить Петера.

Он сильно изменился за те пять лет, что они не виделись; конечно, вырос, но у Петера все такие же полусонные глаза под тяжелыми веками, нервная походка и подергивания. Это неудивительно, его так строго держали в Киле... Но рядом с этой доброй и красивой жен-

щиной, которая теперь заменила мать, Петер непременно должен оттаять, стать свободней и живой. Да уже стал!

Посреди ночной февральской Москвы за тридевять земель от дома немецкая девочка решала для себя вопрос, сможет ли полюбить своего кузена, такого же немца. Двое детей должны создать семью и продолжить род Петра Великого. Конечно, когда мадемуазель Кардель читала ей Расина или Корнеля, Фрикен совсем не такой виделась первая любовь... Возлюбленный прекрасной принцессы должен быть таким же прекрасным. Петер до прекрасного принца не дотягивал, но Фрикен дала себе слово постараться найти в нем как можно больше хороших черт, чтобы скорее привыкнуть и полюбить. Так ей посоветовала на прощание Кардель, опечаленная, что ее не берут вместе с воспитанницей.

Фрикен долго вспоминала Петера, сравнивая его нынешнего с тем, что был когда-то в Эйтине, и приходила к мысли, что он изменился к лучшему.

Постепенно мысли перешли к императрице. Вот кого ни с кем сравнивать не нужно! Фрикен влюбилась в Елизавету Петровну с первого взгляда, потянулась к ней всей душой не только потому, что красивая и щедрая, – девочка невольно почувствовала, что женщина добрая. К ней очень хотелось прижаться, чтобы почувствовать исходящее тепло...

Оставался вопрос веры, но ведь Елизавета Петровна обещала не настаивать... Мать, пока возвращались к себе и потом укладывались спать, фыркнула:

– Нечего об этом говорить! Сменишь, и все тут.

– Но отец...

– Отец далеко, а ты здесь. И корона тоже здесь!

С утра к ней пришел учитель русского языка Ададулов. Он был строг, но спокоен, сразу же похвалил за прилежание и схватчивость:

– Учение хорошо пойдет.

Это показалось Фрикен совсем не страшным, учить язык ей понравилось. А вот следом пришел Симеон Тодорский, приставленный для обучения основам православия.

Когда в комнату, выделенную для занятий, вошел высокий сухощавый человек в черной монашеской одежде, Фрикен невольно сжалась: почему-то показалось, что он сейчас схватит и потащит в церковь крестить ее в другую веру. Золотой крест на его груди притягивал к себе взор...

Симеон перекрестился на образа в углу и присел, позвав девочку ближе:

– Бояться меня не надо, я детей не ем. Взрослых тоже. А теперь давай посмотрим, что знаешь ты и что я. Сравним и попробуем понять, насколько отлично.

Он говорил по-немецки так чисто, что, не зная Фрикен, что перед ней русский, ни за что не догадалась бы. Разговор потек спокойный, свободный... К ее удивлению, оказалось, что Тодорский знает о лютеранской вере много лучше ее самой. Откуда?

– После Московской духовной академии учился в университете в Галле четыре года, как раз историко-критическому взгляду на богословие. Только потом постриг принял.

Как же с ним было легко и хорошо! Быстро пропал страх перед крещением, стало ясно, что православие весьма близко к лютеранству, а что касается обрядов, так их еще посмотреть нужно. Уроки с Тодорским быстро стали любимыми.

А вот русский язык был труден, она учила слова день и ночь, особенно тяжело давались ударения и принадлежность к роду. Ну почему тарелка женского рода, а нож – мужского? И рыба – тоже женского?

Мать, убедившись, что за дочерью нет необходимости приглядывать, занялась своими делами, то есть интригами. Она быстро завела множество знакомых при дворе и среди иностранцев, ее жизнь если и отличалась от домашней, то только богатством и возможностями. Иоганна чувствовала себя при дворе как рыба в воде, здесь свободно говорили по-французски,

носили наряды по парижской моде, причесывались так же, танцевали новомодные танцы, а уж веселились вообще куда больше, чем в Гамбурге или Берлине! Многочисленным родственникам летели письма с описанием роскоши русского двора и того, как принимает ее императрица! При этом о дочери и не вспоминалось. Правда, Иоганна нашла повод не писать о Фрикен: пока она не была объявлена невестой наследника, значит, о ней можно не вспоминать.

В письмах принцессы Цербстской казалось, что российская императрица вдруг воспылила любовью к своей несостоявшейся родственнице и позвала к себе, чтобы непонятно почему облагодетельствовать.

Вечно занятая собой мать не мешала занятиям Фрикен. Сначала немного мешал Петер, который мог появиться в неурочный час и удивленно разглядывать старательно зубрившую падежи Фрикен:

– К чему вам это? Пусть по-русски говорят русские! Мы с вами немцы, нам надлежит говорить по-немецки!

– Но, Петер, императрица просила, чтобы я освоила русский как можно скорее. К тому же как можно жить в стране и не понимать, о чем говорят подданные?

– Вы считаете их своими подданными?

Ого, этот Петер не так прост и не такой уж тупой увалень!

– Возможно, они будут таковыми...

– Да, тетка хочет, чтобы я женился на вас. Я был рад, когда вы приехали, – все же родственницы. Но я влюблен в другую – Лопухину. Жаль, что ей пришлось уехать, когда сослали ее мать. Знаете, за дурные речи об императрице ей рвали язык и сослали в Сибирь.

– Что?!

– Да, по приказу императрицы Лопухиной вырвали язык и отправили в ссылку.

Мир померк. Как могла такая добрая и ласковая Елизавета Петровна отдать столь жестокий приказ?

Не удержалась, спросила у Тодорского. Тот вздохнул:

– Чтобы править, одной доброты мало, иногда нужно быть и жестокой. Лопухина и впрямь много дурного говорила, а на Руси издревле языки, которые их хозяева за зубами держать не могут, рвали, чтобы больше не сболтнули лишнего. А теперь подумайте, что лучше – продолжать говорить дурное, что на плаху приведет, или без языка, да живой? А Ее Императорское Величество зарок дала к смертной казни никого не приговаривать, вот уж сколько лет никого не казнили. К столбу подводят и милуют, заменяя казнь ссылкой.

Фрикен запомнила этот урок.

А ночью снова невольно задумалась о своем женихе. Она уже не сомневалась, что Петер будет женихом. Почему он не хочет учить русский язык? Словно презирает народ, которым ему предстоит править. Так нельзя.

Петер любит Фридриха Прусского, но ведь Фридрих заботится о своем народе, и вообще, он интересуется вовсе не только армией, император очень любознателен. Фрикен вдруг поняла, что ей нужно сделать! Петер хоть и обожает императора, никогда его не видел, только слышал от других, а она видела и даже была приглашена к его столу перед отъездом сюда. Она тоже очень уважала императора Фридриха, его было за что уважать, хотя и не так, как Петер, но ей есть что рассказать. Нужно поговорить с Петером о Фридрихе Прусском, это сильно сблизит их!

Фрикен интуитивно нащупывала возможности стать своему жениху ближе, подружиться с ним, ей очень хотелось быть счастливой в браке, любить и быть любимой.

К тому же Петер любил дурачиться, его подвижность все время ограничивали, как и ее когда-то. Фрикен помнила, как в детстве бегала по ступенькам лестницы вверх и вниз, пока мудрая мадемуазель Кардель не стала нарочно водить девочку играть в подвижные игры с детьми в городском саду. А Петера, наверное, не водили, ему мало танцевальных па в бальной

зале, все время хотелось просто попрыгать. Может, предложить и Петеру побегать по лестницам? Нет, это будет выглядеть нелепо, если два уже почти взрослых человека станут носиться как угорелые...

Фрикен всерьез задумалась, как вести себя с женихом. Они пока не были обручены, все только витало в воздухе, хотя все понимали, зачем приехали из далекого Штеттина две принцессы – мать и дочь.

Петеру очень понравились ее разговоры об императоре Фридрихе, но быстро выяснилось различие в их интересах. Блестя глазами, мальчик расспрашивал, в какой мундир был одет император, какие знаки отличия она заметила, какие постовые стояли на часах... Фрикен честно пыталась вспомнить, но помнила только цвета мундира, но никак не знаки отличия и уж тем более не мундиры часовых. Девочка впервые была при дворе, обедала с королем, да еще и будучи спешно собрана, до мундиров ли ей? Петер злился, даже ногой топал. И вообще, он слишком дерганый, это даже раздражало, но Фрикен старалась поддерживать разговор, о чем бы он ни шел, пыталась интересоваться формой, мундирами, знаками отличия.

В отличие от Петера Фрикен очень повезло с воспитательницей, мадемуазель Кардель научила ее, что любая беседа может стать приятной и полезной, если интересоваться словами собеседника. Петер очень много знал о военной форме, об истории крепостей, уставах и правилах в войсках. Это совершенно не интересовало Фрикен, но она стойко выслушивала, надеясь заинтересоваться позже.

Подросток чувствовал себя просто счастливым, у него была такая добрая тетка, ему привезли столь внимательную и вовсе не зазнайку невесту, он вдоволь мог говорить по-немецки, не утруждая себя этим противным русским языком, все складывалось удивительно хорошо.

В один из первых же дней счастливый Петер не придумал ничего лучше, как радостно объявить невесте, что не любит ее и никогда не полюбит, но всегда будет с ней откровенен, если полюбит кого-то другого. Фрикен с трудом сдержала слезы, как же он жесток! Нет, наверное, не жесток, а просто ничуть не думает о ней самой, о ее чувствах. Она же тоже его не любит, но кричит об этом при каждой встрече? В глубине души девочка понимала, что такие оскорбления и пренебрежение чувствами будут всегда, но ей так хотелось верить в счастье, что Фрикен избегала думать о неприятностях.

В отличие от своего жениха она много и усердно занималась, и прежде всего тем самым ненавистным Петеру русским языком. А еще много и подолгу беседовала с разумным Симеоном Тодорским. Он проводил принцессу в собор, чтобы она посмотрела службу. И служба, и убранство собора просто потрясли Фрикен, привыкшую к скромности лютеранских служб. Когда сверху раздалось пение хора, она замерла... Мелодии выводили только голоса, без органа, но как же это было красиво...

У Фрикен серьезный дефект слуха: нет, слышала она прекрасно, но в таком редком случае, как у нее, для человека не существовало музыки. Так бывает, поющие голоса воспринимаются прекрасно, а вот звуки музыкальных инструментов сливаются воедино, превращаясь просто в шум или вообще какофонию, не доставляющую никакого удовольствия и даже сильно раздражая. При этом у Фрикен прекрасное чувство ритма, она хорошо танцевала и даже неплохо пела. Но петь невозможно, потому что требовалось сопровождение, а значит, звук оркестра.

Постепенно она привыкла не раздражаться при звуках музыкальных инструментов, но удовольствия получать так и не стала. Много позже императрица Екатерина II обещала большую премию тому, кто разобрался бы в причинах такого дефекта и сумел избавиться от него. При ее жизни не разобрались, так и была Екатерина II глуха к музыке.

Это тоже оказалось большим препятствием к общению с Петером: тот, напротив, обожал музыку и страстно желал научиться играть, пусть не как император Фридрих на флейте, но

хотя бы (!) на скрипке. Его егерь Бастиан, сам игравший вполне сносно, обучал юношу, но для хорошего владения скрипкой нужна все та же усидчивость. И все же Петер выучился! Удивительно, но страшно дерганый и неусидчивый юноша терпеливо водил смычком по струнам, добиваясь нужного звучания. Позже он даже играл в придворном оркестре, им же и созданном, но то и дело получал тычки от капельмейстера, потому что забывал, что скрипка – инструмент нежный и певучий, а смычок не шпага, чтобы им нападать.

Петер не понимал стараний своей невесты, учившей русский язык, ему казалось, что она выслуживается перед императрицей. А Фрикен не понимала, что он не понимает. Как можно не учить язык того народа, которым собираешься править? Трещинка в отношениях пропадать не собиралась, напротив, она грозила разрастись в настоящую трещину.

И вдруг...

Все очень хорошее и дурное в нашей жизни происходит вдруг.

Лежа без сна, Фрикен вспоминала русские слова, которые должна выучить к завтрашнему утру. «Карашо»... звук «х» никак не давался привыкшему к более четкому немецкому произношению языку. А еще «ч» и «л» получалось куда мягче, чем иногда нужно. Вообще эти мягкие и твердые знаки дались не сразу.

Несколько слов она не смогла вспомнить, а потому вскочила и при свете ночника открыла тетрадь. На улице холодно, в комнате жарко натоплено, но, как и везде, во дворце страшные сквозняки; Фрикен, закуталась в большую шаль, подаренную императрицей, и перебирала голыми ногами на холодном полу, но не вернулась в постель, пока не прочитала снова весь урок. А потом еще и еще трижды. Ноги заоченели окончательно, в постели долго не удавалось согреться.

Хуже всего, что вот такие ночные занятия стали привычными. Не обувать же ради десятка минут туфли, босые ноги мерзли, но принцесса не сдавалась, она зубрила и зубрила, зато по утрам Ададуров только дивился тому, как быстро идет обучение русскому языку у его подопечной. Никакого сравнения с упрямым великим князем, который за два года освоил куда меньше, чем его невеста за два месяца.

Шенк пригляделась к Фрикен:

– Вы не больны ли?

Та и впрямь чувствовала себя дурно, ее трясло, но сдаваться не собиралась.

– Нет, все в порядке.

– У вас жар!

Это оказался не просто жар, уже немного погодя Фрикен была на грани жизни и смерти. Тогда не знали антибиотиков, и воспаление легких часто заканчивалось смертью.

Принцесса Иоганна сначала страшно испугалась, что это оспа, она боялась даже подходить к дочери, потом страшно противилась намерениям врачей пустить девочке кровь. Вообще-то метод лечения тоже был весьма жестоким, кровь пускали по любому поводу: от несварения желудка до почечной колики, а при жаре у больного это считалось обязательным.

Императрицы не было в Петербурге, вернувшись, она немедленно примчалась к девочке. Фрикен лежала без сознания, Иоганна бестолково топталась рядом, и, кроме прохладных компрессов на лоб, ребенка ничем не лечили. Попросту выгнав мамашу из комнаты, Елизавета Петровна распорядилась пустить кровь.

– Почему больна принцесса, отравили?

– Нет, Ваше Величество. Это оттого, что часто стояла босыми ногами на холодном полу.

– А кто заставил?!

– Никто не заставлял. – Девица Шенк была перепугана до крайности. – София-Фредерика по ночам учила русские слова втайне от всех.

– Как это? – обомлела императрица.

– Вставала ночью и при свече учила уроки. Ей очень хотелось поскорей выучить русский.

Глаза Елизаветы Петровны наполнились слезами: эта девочка даже в бреду шептала русские слова! Императрица уже знала одно: если только она выживет, то останется в России обязательно, даже если для этого придется отнять Софию-Фредерику у матери!

За двадцать один день болезни кровь пускали шестнадцать раз. Открывая глаза, Фрикен часто видела перед собой Елизавету Петровну, которая просиживала у ее постели часами. Был момент, когда казалось, что Фрикен все же не выживет. Мать предложила позвать лютеранского священника, но девочка попросила Тодорского.

– Фрикен, ты не понимаешь, что говоришь!

– Позовите...

– Что?! Что случилось?! – Императрица, увидев слезы на глазах Симеона Тодорского, пришла в ужас.

– Господь милостив, он не допустит смерти этого ребенка.

– Она жива? Фу, как вы меня напугали! – прижала руки к сердцу Елизавета Петровна.

– Ваше величество, надо убрать подальше от принцессы всяких болтунов. При больном ребенке обсуждать, что в случае ее смерти невестой наследника станет саксонская принцесса Мария-Анна! И мать тоже не слишком умна.

– Откуда сие известно?

– Что обсуждали? Так принцесса сама сказала. Попросила меня позвать, долго беседовали о загробной жизни и той, что вокруг нас. Сказала, что порадует за наследника, если у того вместо нее будет хорошая невеста...

– Знаете, почему она заболела?

– Весь двор о том говорит – учила по ночам русские слова.

– Это не подстроено ли?

– Нет, принцесса и впрямь дорожит вашим вниманием и хочет быть приятной, и русский выучить тоже хочет... и православием интересуется не по приказу. Хорошая царица была бы... Только бы выздоровела.

– Помолись за здоровье, я всякий день подолгу перед образами стою, молюсь.

– Я тоже, – вздохнул Тодорский...

Выздоровливать Фрикен долго и трудно, но она чувствовала, как изменилась вокруг атмосфера. Все эти дни рядом почти бесилась Иоганна-Августа, особенно после приезда императрицы. Мать снова оказалась в тени своей дочери и, как ни странно, думала не столько о ее выздоровлении, сколько о том, что смерть девочки повлечет за собой возвращение в тихий Штеттин.

Нарыв в боку прорвало, девочку уже стали сажать в подушках. Она страшно исхудала, была больше похожа на тень той веселой очаровательной принцессы, которая приехала в Россию. Зато суетились вокруг нее с удвоенной энергией, потому что все знали: принцесса заболела, уча ночами русские слова.

По несколько раз в день приходила Елизавета Петровна. Держала слабую ручку девочки в своих ласковых, мягких ладонях, гладила, твердила, что все будет хорошо, что теперь ее организм привык к русскому холоду и научился сопротивляться, что отныне полы всюду будут покрыты коврами, а менять Софию-Фредерику на какую-то Марию-Анну никто не собирался, чтобы выбросила такое из головы.

Рассказывала, что, когда потеплеет, они отправятся на богомолье, это так красиво и душевно... Напоминала, что Софии-Фредерике скоро пятнадцать лет, что к этому времени нужно непременно выздороветь, потому что в ее честь будет бал.

– Пусть уж не танцевать – слаба еще, но хотя бы посмотреть, как другие танцуют. И фейерверк устроим, и катания... Выздоровливай...

Фрикен слушала ласковый голос тетушки и плакала от избытка чувств. Так с ней не разговаривала даже мадемуазель Кардель.

Совсем иначе вели себя мать и Петер. Жених не заходил проведать, правда, присылал камердинера узнать о здоровье.

Мать тоже присылала, но совсем иначе. Только что ушла императрица, вокруг суетились фрейлины и камеристки, когда вошла фрейлина Каин, она заметно смущалась, но все же выдавила из себя то, с чем ее отправила к дочери Иоганна:

– Ее Высочество просит Ваше Высочество отдать ту штуку ткани, что вам преподнесли в Любеке.

Фрикен растерянно замерла. Каин говорила о единственном подарке из Любека, который у нее вообще был, – дядя подарил ей штуку красивой серебристой материи, из которой предстояло сшить платье для какого-нибудь особо важного случая. Больше у нее ничего не было...

Замерли и все находившиеся в комнате. Пользуясь моментом, Каин быстро забрала материю и поспешила исчезнуть. Фрикен отвернулась к стене, чтобы дамы не увидели ее слез.

– Ваше величество, это неслыханно!

– Ваше величество, это не мать!

Принцесса София постаралась сдержать слезы, но как же ей было тяжело...

Елизавета Петровна стиснула кулачок, ноздри красивого носика возмущенно расширились.

– Ткань найти такую же, и немедля! И еще несколько новых! Позовите Позье!

Ювелир Елизаветы Петровны Позье привык к неожиданным вызовам, потому появился быстро.

– Нужны серьги и ожерелье для принцессы в честь выздоровления. Бриллиантовые.

– Да, Ваше Величество, у меня есть такие.

Весь двор уже знал о безобразном поступке матери Софии-Фредерики, а потому Позье догадался захватить с собой несколько красивых вещиц, надеясь, что императрица подарит их девочке, чтобы легче было перенести обиду от матери. Не ошибся.

Елизавета Петровна сама отправилась к Фрикен.

– Рада твоему выздоровлению. Хочу подарок тебе в эту честь сделать. Смотри...

Фрейлины, осторожно заглядывавшие в содержимое бархатных коробочек, ахнули. Роскошное кольцо и дорогие серьги, бриллиантов тысяч на двадцать, не меньше!

Фрикен расплакалась, шепча, что благодарна не столько за бриллианты, сколько за внимание.

– Ну будет, будет. На мать не смотри, поженитесь с Петром, я вам обоим матерью стану.

От самого Петера (он, правда, не пришел, а только передал) принесли украшенные рубинами часы...

Она сумела встать двадцать первого апреля – в свой день рождения. Императрица действительно организовала роскошный праздник и иллюминацию, хотя сама виновница торжества была еще очень слаба.

Увидев себя в зеркале – тощую, бледную, внезапно вытянувшуюся, Фрикен едва не упала в обморок. Платья оказались коротки, потому что за месяцы болезни она еще и подросла, их пришлось надставлять, из выреза безобразно торчали кости, под глазами синяки, щеки белые как мел. Но торчащие ключицы прикрыли газом, по подолу спешно нашили оборки, синяки под глазами припудрили, а императрица прислала от себя баночку румян... Однако все это делалось без матери, Иоганне не до дочери, она занималась собой и своими тайными интригами.

Зато, войдя в зал, Фрикен услышала... аплодисменты и почти крики приветствия! Она обомлела, глаза наполнились слезами. Тощего цыпленка, страшенького после перенесенной смертельной болезни, приветствовали все придворные, и как приветствовали! Так, словно она

для каждого была любимой дочерью и очень дорогим человеком. Фрикен воочию увидела особый дар русской души, который замечала у императрицы и Тодорского, – широту и доброту. Даже те, кто вовсе не был на стороне принцессы раньше и потом будет не раз портить ей жизнь, ныне пожимали руки, говорили ласковые слова, давали понять, что очень ее любят. Радость от выздоровления Фрикен у всех была трогательной и искренней.

Она шла к императрице, обливаясь слезами, которые была просто не в силах сдержать. Елизавета Петровна не позволила юной девушке опуститься перед собой в поклоне, подняла, вытерла слезы:

– Ну, будет тебе реветь-то. Все румяна смоешь, румянь тебя потом снова...

А сама плакала.

Своей болезнью принцесса завоевала сердца придворных куда быстрее, чем наследник престола двумя годами жизни при дворе.

Сам Петер сначала с некоторым недоумением смотрел на то, как встречают его невесту. Ну чего они ревут-то все? Выздоровела и выздоровела. Петер не привык к жалости или сантиментам, а потому чувствовал себя очень неуютно и тут же сделал глупость. Он пожал руку Фрикен и довольно откровенно хмыкнул:

– А ты страшная стала...

Хорошо, что услышала Елизавета Петровна, отвлекла на себя:

– Ничего, русские говорят: были бы кости, мясо нарастет. Поправишься, снова станешь красоткой. Главное, что выздоровела.

Фрикен проглотила сказанную Петером гадость, слишком много вокруг было радостных лиц, чтобы плакать из-за наследника. Но после праздника долго разглядывала себя в зеркале, невольно стараясь оправдать жестокость Петера. Он прав, истощая и вытянувшись, она стала окончательной уродиной! Тусклые волосы, торчащие ключицы, впалая грудь... Конечно, как ей равняться на придворных дам?

В ту ночь Фрикен долго не спала, пытаясь понять, как теперь быть. Она противна Петеру, все, чего добивалась столько времени, потеряно, теперь будут нужны большие усилия, чтобы восстановить хорошие отношения. Юная девушка вспомнила, как мать всегда твердила, что она некрасива и нравиться никому не может. Это было задолго до болезни, а как же теперь? Теперь еще хуже...

Но слезы здесь не помогут, если уж она некрасива, худа, страшна, значит, нужно постараться быть особенно приятной и интересной в общении. Императрица принимает ее такой, какая она есть, с той прощью, а вот Петер смотрит взыскательным взглядом, в отношении его надо стараться особо. Фрикен почему-то в голову не приходило, что сам Петер отнюдь не образец красоты, что он и без болезни куда страшней переболевшей невесты. Полнота вернется, а вот уродливое лицо никуда не денешь.

Но что оставалось делать Фрикен? Только продолжить учебу, хотя и не так рьяно, и готовиться принять православие.

Девушка уже написала отцу, что между лютеранством и православием различие только в обрядности, что этот переход не будет страшен. Конечно, Христиан-Август все равно не одобрял решения дочери, но прекрасно понял, что все свершится и без него, а потому не возражал.

Хочу быть русской

Наступило лето, Фрикен уже окончательно пришла в себя, слабость не донимала, хотя бок все еще болел. Птенчик быстро превращался в красивую птичку... Она была привычно доброжелательна, причем со всеми – не только с придворными, но и со слугами. Это было ее натурой, и такая вежливость и приятность снискали Фрикен любовь со стороны всех, кто ее окружал.

Хотя были недовольные. Фрикен снова много времени проводила с Петером, юноша даже прислушивался к советам девушки, чем решил воспользоваться Брюммер, откровенно потребовавший, чтобы невеста повлияла на поведение своего жениха.

– Помогите воспитать вашего жениха!

Воспитать? О нет! Стоит только начать противоречить или что-то внушать Петеру, и он просто возненавидит, тогда хорошее отношение не вернуть никакими усилиями. Она и так едва не потеряла его приязнь из-за болезни. Нет, никакого перевоспитания! Во всяком случае, не сейчас.

Брюммер обиделся, но Фрикен твердо решила ничего пока не предпринимать. Петер дурачится? В разумных пределах с ним будет дурачиться и она. Интуиция подсказывала девушке, что пока лучше поддерживать жениха в его полудетских играх, опуститься на его уровень. А они действительно оказались на разных уровнях. За время болезни Фрикен, и без того куда более серьезная, чем Петер, сильно повзрослела, а жених, казалось, скатился в детство еще сильнее.

И все же она поддерживала его ребяческие увлечения. Играет в солдатики? Пусть играет. Скачет как мальчишка, у которого на прогулке выпустил руку гувернер? Пусть скачет, ей скакать необязательно, все же еще больна, но смеяться вместе с женихом можно.

А еще Фрикен старалась забыть гадость, которую Петер сказал ей при встрече после болезни. Конечно, она была страшной, он прав. Правда, не стоило этого говорить вслух, но Петер несдержан, потому и сказал. И снова она оправдывала его жестокость, не желая портить отношения, объясняла грубость своими собственными недостатками... Знать бы ей, что наступит момент, когда они поменяются местами, и в этот момент Фрикен окажется куда разумней, но Петер не простит даже малейшего намека на неприятие себя...

А пока императрица отправилась на богомолье в Троицкий монастырь и приказала великому князю и принцессам следовать за ней.

Иоганне вовсе не хотелось уезжать на какое-то богомолье из блестящего Петербурга, у нее была масса дел с Шетарди и другими дипломатами. Принцесса хорошо помнила задачу, поставленную ей императором Фридрихом: постараться сбросить канцлера Бестужева с его поста, и занималась этим. Влиять на императрицу не очень-то получалось: то дочь болела, то потом отношение Елизаветы Петровны явно стало прохладным... Иоганна даже не поняла, почему так изменилась к ней императрица, не отнесла это на счет собственного безобразного отношения к дочери, решив, что похолодание из-за происков врагов, прежде всего того же Бестужева. А потому усилила собственные маневры против канцлера.

Она не понимала одного: Бестужев вовсе не смиренная овечка на закланье, канцлер способен нанести ответный удар, и куда сильнее, чем ее глупые происки вместе с французским посланником. Что Бестужев и сделал. Он давно вскрывал дипломатическую почту, его люди легко дешифровали послания Шетарди, а в них содержалось очень много даже не намеков, а прямых упоминаний о помощи принцессы Цербстской и ее работе на императора Фридриха.

Собрав достаточное количество улик, Бестужев просто отослал эти документы императрице. Канцлер точно выбрал место и время: в монастыре, подальше от мирской суеты, Елизавета Петровна внимательно вчиталась в бумаги...

Последовал вызов принцессы Цербстской. Ничего не подозревающая Иоганна вместе с дочерью и наследником престола приехали в монастырь.

Дверь распахнулась почти резко, все едва успели вскочить с мест, потому что вошла императрица, явно чем-то рассерженная. Быстро оглядев присевших в реверансе мать и дочь, чуть покосившись на племянника, Елизавета Петровна сделала знак Иоганне-Елизавете следовать за собой в другую комнату. Мать Фике подчинилась, с беспокойством оглядываясь на дочь.

Но стоило тетке выйти, как наследник престола вернулся к своим дурачествам, его мало волновал серьезный разговор, который, видимо, шел между императрицей и Иоганной-Елизаветой. Князь запрыгнул на подоконник и, устроившись с удобством, похлопал рядом, зовя присесть и невесту. Фрикен прислушивалась к тому, что происходит за дверью, но та была плотно прикрыта, и тихие голоса едва различимы. Не очень думая, что делает, девочка тоже подпрыгнула и уселась на подоконник рядом с женихом. Разговор за дверью продолжался долго, даже Фике надоело сидеть в напряжении, и она стала смеяться над гримасами суженого.

Первым из комнаты вышел Лесток, сокрушенно качая головой. Петру показалось это смешно, и он снова принялся гримасничать, передразнивая. Лесток подошел к подоконнику, на котором сидела веселая парочка, хмыкнул:

– Сейчас этому веселью придет конец.

Петр продолжил смеяться, а Фике ахнула, прижав руки к груди:

– Почему?!

– Укладывайтесь, думаю, вы тотчас же отправляетесь домой.

Лесток удалился по своим делам, а Фрикен замерла...

Домой?! Что такого натворила мать или что случилось, что их отправляют обратно? За те недели, что Фике прожила в Петербурге и Москве, она так привязалась ко всему, что ее окружало, так прониклась мыслью, что станет правительницей этой огромной непостижимой страны, пусть не такой правительницей, как Елизавета Петровна, пусть не самовластной, но хотя бы в качестве супруги Петра Федоровича, что теперь и представить ничего другого не могла.

Петр рассмеялся:

– Вы уедете? Вот чудесно! Я бы тоже не прочь уехать.

Это сказано столь равнодушно, что Фике стало больно внутри: князь легко и без сожаления расстался бы с ней. Сама принцесса была к жениху так же равнодушна. К жениху, но не к короне, которую ему предстояло наследовать. Она растерянно оглянулась на князя.

Бедняжка не успела расплакаться, дверь открылась, и вышла весьма рассерженная императрица, а следом за ней мать Фике с красными заплаканными глазами.

Требовалось немедленно приветствовать императрицу, что бы ни случилось там, за дверью. Но слезть с высокого окна обоим оказалось не так-то просто, особенно Фрикен, они с Петром елозили, пытаясь спуститься ловко, и от этого получалось еще хуже. Наконец, помогая друг другу, они все же сползли и попытались отвесить Елизавете Петровне поклон. Та рассмеялась и поцеловала обоих в щеки.

Так поведение дочери спасло мать от немедленной высылки из страны, ведь вместе с принцессой Иоганной должна была уехать и Фрикен, а расставаться с ней императрице уже вовсе не хотелось. Отношения с матерью невесты стали не просто натянутыми, Елизавета Петровна с трудом терпела Иоганну, в то же время всячески привечая ее дочь.

А вот Шетарди не спасся: воспользовавшись тем, что он так и не вручил свои документы, оставшись участным лицом, Елизавета Петровна выставила опального дипломата вон.

Но Фрикен было не до того. В Троице-Сергиевой обители она пережила потрясение совсем иного плана, которое помогло ей перейти в православие.

Известно, что императрица все делала по ночам, в том числе и богомолье, причем совершала его Елизавета Петровна своеобразно. Еще только придя к власти, она дала себе обет пешком посещать Троице-Сергиеву обитель и этот обет выполняла. Она выходила из Москвы пешком, проходила, сколько успевала за день, потом либо возвращалась в Москву ночевать, а утром снова ехала к тому месту, до которого успела дойти, и двигалась дальше, либо ночевала в нарочно устроенных больших дворцах. Софию-Фредерику оставили в Москве, так как была слишком слаба, но перед последним этапом привезли и ее. От Климентьевской слободы идти должны уже все вместе. Это была задумка государыни и Тодорского, принцесса должна воочию увидеть ход государыни, чтобы почувствовать, что такое богомолье.

Она увидела...

Разве такое возможно где-нибудь в Цербсте или даже Берлине? Широкая дорога по сторонам обсажена вековыми березами, вдали слышен колокольный перезвон, малиновый звон плыл над округой, создавая праздничное настроение... Впереди процессии ехали конные драгуны, впереди пеших шла сама государыня, непривычно скромно одетая и без большого количества украшений. Следом за ней сама Фрикен с Петером, дальше принцесса Иоганна и остальные сопровождавшие.

И вдруг... Фрикен даже вздрогнула – впереди по сторонам у берез стояла толпа крестьян. Они были празднично одеты, но все равно страшно. Но по тому, как не только не испугалась, но и не удивилась императрица, поняла, что это привычно. Народ встал на колени, женщины протягивали к государыне на руках детей, только чтоб увидела, а может, и коснулась...

– Матушка-царица, не оставь милостынькой...

– Матушка, дай только посмотреть на тебя...

– Благодарствуй, матушка...

Это в ответ на раздаваемые Елизаветой Петровной деньги.

– Матушка, пожертвуй на восстановление храма сгоревшего...

– Ура!

И снова мольбы, снова пожелания здоровья, благодарности...

У Фрикен перехватило дыхание, слезы хлынули из глаз так, что и вытереть невозможно, но она не вытирала, шла и плакала. И эти очистительные слезы были приятны, они словно смывали с души все плохое, дурное, налипшее за годы жизни...

Слезы были замечены, какая-то женщина трижды перекрестила:

– Господь с тобой, доченька, душа у тебя, видно, добрая...

Она половины не поняла, но разревелась окончательно. А уж в соборе и вовсе плакала почти навзрыд. Императрица хотела поинтересоваться, в чем дело, но Тодорский, все время наблюдавший за своей воспитанницей, сделал знак, чтобы не трогала принцессу:

– Пусть поплачет, это хорошо.

Петер тоже был непривычно тих, даже не дергался и не крутился в соборе, крестился, когда крестились все, стоял смирно. Но он не понимал слез своей невесты – когда выходили, все же ткнул ее в бок:

– Ты чего ревешь?

Та всхлипнула:

– Не знаю, душевно как-то...

Зареванная невеста понравилась окружающим куда больше ее надменной матери, снова в центре внимания была не Иоганна, а ее тощая после болезни, заплаканная дочь. Кто их поймет, этих русских?

Уже в Москве, всхлипнув в очередной раз от одного воспоминания от торжественного «аллилуйя» под сводами собора, Фрикен, даже не посоветовавшись с матерью, вдруг тронула за рукав Тодорского:

– Я готова креститься в православную веру.

Тот внимательно пригляделся к девушке:

– Не спеши, то может быть просто из-за посещения обители. Еще поговорим.

– Готова.

– Ну и хорошо.

На конец июня назначено торжественное крещение, а на следующий день обручение с Петером. Мать на такое известие махнула рукой:

– Крестись, конечно, – корона того стоит.

– Я не потому крещусь!

– А зачем?

А она и сама уже не знала, просто была потрясена до глубины души, и теперь переход в православие не казался преступлением.

Петер беззаботно махнул рукой:

– Тебе там все подскажут, мне тетушка даже рукой водила, когда креститься было надобно.

Нет, она так не могла. Фрикен отнеслась к крещению куда серьезней, она выучила все до буквы, сотню раз повторила, чтобы русские слова звучали как надо...

И вот в заполненной до отказа дворцовой церкви она одна, рядом никого, императрица стояла, как положено, на своем месте, Петер и Разумовский рядом с Елизаветой Петровной. Но это Фрикен не смутило.

Крестил ее новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич, готовый в любой момент что-то подсказать, но подсказывать не пришлось.

– ...Во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым...

Голос звонок и чист, акцента почти не слышно, недаром столько раз повторяла, добиваясь правильного звучания, слез не было... А вот сзади, уже не выдержав, всхлипывала государыня, за ней захлюпали носами и остальные дамы. Даже мать, кажется, всплакнула, что за ней наблюдалось редко...

Рокочущий бас диакона словно труба возвестил:

– ...о благоверной великой княжне Екатерине Алексеевне Господу помо-олимся-а...

Со всех сторон:

– Господи помилуй, Господи помилуй, Господи поми-илу-уй...

И чистые голоса певчих замирали в высоте храма.

Елизавета Петровна, целуя Екатерину (теперь уже Екатерину), залила ее слезами. Разумовский, многочисленные фрейлины и даже бесстрастный, казалось бы, Бестужев промокали платочками глаза. Свершилось: она православная, у нее новое имя. София-Фредерика отошла в прошлое, теперь она Екатерина Алексеевна.

Дома Екатерине преподнесли роскошное кольцо и обильно украшенный драгоценностями пояс. Иоганна вертела в руках подарки, откровенно завидуя дочери:

– Это стоит не меньше пятидесяти тысяч рублей!

Считать русские деньги она научилась быстро, в остальном же ни слова не понимала.

На следующий день прошло обручение Петра и Екатерины. И снова роскошное действо, снова подарки – бриллиантовый браслет с портретом императрицы и 30 000 рублей на «игру в карты», как называли карманные расходы. Никогда не видевшая таких денег Екатерина тут же выделила часть их на пребывание больного брата в Гамбурге, известив отца.

И снова Иоганна внутренне кипит: дочь затмила собой мать совершенно! Теперь Екатерина – великая княжна и имеет право проходить в двери впереди матери, и это едва не становится проблемой. Иоганна даже замерла, понимая, что сейчас придется унижаться, отступив

перед Фрикен. Но дочь оказалась умней, она отступила первой, пропуская мать вперед. Когда об этом великодушном поступке сказали Елизавете Петровне, та посмеялась:

– Дочь куда умней, да только зря уступает, не следует этого делать.

Екатерина стала просто всячески избегать таких ситуаций, то нарочно задерживаясь, то откровенно уходя вперед, чтобы мать не оказывалась рядом.

У Иоганны появился еще один повод для расстройств.

– Ваше высочество, канцлер Бестужев просит прийти в зал.

У Екатерины упало сердце, она беспокойно оглянулась на мать, неужели та сотворила еще что-то, из-за чего последуют неприятности? Иоганна пожала плечами.

Но приглашали только великую княжну. Конечно, принцесса Иоганна поспешила следом. В зале десяток молодых, парадно одетых людей, девушки присели в низком реверансе, молодые люди склонились в поклонах. Что это?

– Ее Императорскому Величеству угодно назначить вам двор. При Вашем Императорском Высочестве велено состоять камергеру Нарышкину... графу Гендрикову... графу Ефимовскому... камер-юнкеру Чернышеву... камер-юнкеру графу Бестужеву... камер-юнкеру князю Голицыну... гофмейстериней при Вашем Высочестве повелено быть графине Румянцевой... камер-фрейлинам княжнам Голицыным... девице Кошелевой...

Все кланялись, мужчины целовали ручки, девушки низко приседали, метя парадными робами пол...

Что это – у нее свой двор?!

Графиня Румянцева еще раз присела и сообщила, что отныне при Ее Высочестве непременно будет дежурная камер-фрейлина и она вольна приказывать. Екатерина растерянно спросила:

– Что приказывать?

Левушка Нарышкин, известный балагур и насмешник, снова изобразил нижайший поклон:

– А что пожелаете, хоть бородой пол мести.

Все расхохотались, потому что у Нарышкина бороды никогда не бывало. Под этот смех в зал ворвался великий князь:

– А! У тебя тоже свой двор? Прекрасно, чему ты будешь их учить?

– Чему их учить, они все сами знают.

– Мы будем веселиться вместе. Тетушка уезжает, нам никто не станет мешать.

Петр был весел, говорлив, ему явно нравилось считаться и выглядеть взрослым. Ах, как хорошо!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.